

На правах рукописи

ЗВЕРЕВ Кирилл Александрович

**ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА В
ПРИБАЛТИЙСКИХ РЕСПУБЛИКАХ В 1991–2014 ГГ.**

Специальность: 5.6.2. – Всеобщая история
(новая и новейшая история)

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Нижний Новгород – 2025

Работа выполнена в Федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования Костромской государственной университет (КГУ) на кафедре истории.

Научный

консультант:

Гладышев Андрей Владимирович

Доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Саратовского государственного национального исследовательского университета имени Н.Г. Чернышевского

Официальные

оппоненты:

Белов Сергей Игоревич

доктор политических наук, доцент кафедры российской политики факультета политологии ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

Кирчанов Максим Валерьевич

доктор исторических наук, доцент кафедры регионоведения и экономики зарубежных стран факультета международных отношений, доцент кафедры истории зарубежных стран и востоковедения исторического факультета ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»

Рудницкий Артем Юрьевич

доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры международной и национальной безопасности ФГБОУ ВО Дипломатическая академия МИД России»

Ведущая

организация:

Автономная некоммерческая образовательная организация высшего образования «Европейский университет в Санкт-Петербурге»

Защита состоится «23» октября 2025 г. в 12.00 часов на заседании диссертационного совета 99.2.042.02 при ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского», ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет» по адресу: 603005, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, д. 2, ауд. 103.

С диссертацией можно ознакомиться в читальном зале библиотеки ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского» и на сайте ННГУ по адресу: <https://diss.unn.ru/files/2025/1560/diss-Zverev-1560.pdf>

Автореферат разослан _____ 2025 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
кандидат исторических наук, доцент

Абидулин Алим Маратович

Общая характеристика исследования

Актуальность темы исследования. Манипулирование массовым сознанием посредством исторической памяти давно стало одним из важнейших инструментов политической борьбы во всём мире. Историческая память была и будет мобилизующей общество силой, особенно в условиях, когда «битвы за прошлое» становятся неременной составляющей тотальных или гибридных войн современности. Особенно рьяным вмешательство политиков в пространство историков произошло в 1990-е гг. в странах Восточной Европы в связи с крушением Советского блока. Не стали исключением и вновь образованные Эстонская, Латвийская и Литовская республики, которые начали активно использовать историю для решения своих внутренних и внешнеполитических задач.

Ревизия исторического прошлого в странах Прибалтики стала делом не столько научным, сколько политическим, что и позволяет нам говорить о политике памяти или исторической политике, нашедшей отражение в самых разнообразных сферах жизни населения этих стран. Историческая политика официальных властей в этом регионе в 1991–2014 гг. сформировала благодатную почву для дальнейшей демонизации образа России в соответствии с идеологическими мейнстримами стран Запада. То, что сегодня некоторые политологи и историки называют «культурой отмены», требует от нас не просто отрицания в международной политике остракизма как такового с его «странами-изгоями», а критического изучения краткосрочных и долгосрочных целей этой политики, условий генезиса и механизмов функционирования, сильных и слабых сторон. Мы имеем дело с «актуальным прошлым» как в прямом, так и в переносном значении.

Кроме того, обращаясь к вопросу о взаимовлияниях и имитации в политике памяти¹, по нашему мнению, имеет место быть «экспорт» оценочных суждений прибалтийских авторов применительно к советскому периоду в другие страны ближнего зарубежья, что демонстрируют последние события в мире, в том числе российско-украинский кризис. Данные аспекты придают особенную значимость исследованию вопросов конструирования исторической памяти именно на примере Прибалтийских республик.

Объект исследования – историческая политика стран Прибалтики как составная часть национально-государственного строительства в 1991–2014 гг.

Предмет исследования – эволюция в трактовках событий национальной, европейской и российской истории, целей этой политики, условий генезиса и механизмов функционирования, сильных и слабых сторон.

¹ Миллер А. И. Введение. Методологические проблемы изучения политики памяти — решенные, нерешенные и неразрешимые // Методологические вопросы изучения политики памяти: Сб. научн. тр. / Отв. ред. Миллер А. И., Ефременко Д. В. М.-СПб: НесторИстория, 2018. С. 9.

Хронологические рамки исследования обусловлены, с одной стороны, обретением независимости странами Балтии в результате дезинтеграционных процессов в СССР в 1991 г., а с другой – электоральными циклами Прибалтийских республик и переходом к новому витку противостояния с Российской Федерацией в результате украинского кризиса 2014 г.

Территориальные рамки исследования охватывают территорию Латвийской Республики, Литовской Республики, Эстонской Республики.

Степень разработанности темы и обзор литературы:

В теоретико-методологических работах по изучению памяти вообще и политики памяти в частности сегодня практически утвердилось мнение, что прошлое является не столько воспоминанием, сколько актуализированным конструктом сознания. Если в традиционных концепциях памяти она трактовалась в духе сейфа для хранения артефактов прошлого, то сегодня больше говорят об обусловленности её устройства характером употребления². Такой подход к памяти, представляющий её как периодически трансформирующуюся, «как процесс, а не как место», легитимизирует исследования политики в области истории³. Сегодня исследователи вновь актуализируют известную мысль М. Хальбвакса⁴ о множественности памяти, о соответствии памяти социальной группе⁵. Только одних больше интересуют образы прошлого как таковые, а других способы управления ими («инструментализация прошлого»). Труды, рассматривающие память как таковую (и историческую, в частности) начали появляться ещё в первой половине XX столетия. К данной категории, безусловно, необходимо отнести работы французского социолога Мориса Хальбвакса⁶. В исследовании «Социальные рамки памяти» автор рассматривает феномен человеческой памяти с социологической, психологической, культурологической и философской стороны, интерпретируя коллективную память как конструкт взаимовлияний со стороны религии, традиций, семьи, социальных классов и общества в целом. Именно изыскания Хальбвакса во многом способствовали росту

² Schmidt S.J. Memory and Remembrance: A Constructivist Approach // Cultural memory studies: an international and interdisciplinary handbook / ed. by A. Erll, A. Nunning. Walter de Gruyter GmbH & Co, 2008. P. 191, 196.

³ Olick J.K. From Collective Memory to the Sociology of Mnemonic Practices and Products // Cultural memory studies: an international and interdisciplinary handbook / ed. by A. Erll, A. Nunning. Walter de Gruyter GmbH & Co, 2008. P. 151.

⁴ Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3. С. 40–41; Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / пер. с фр. и вступ. статья С. Н. Зенкина. М.: Новое издательство, 2007. 348 с.

⁵ Например: Zierold M. Memory and Media Cultures // Cultural memory studies: an international and interdisciplinary handbook / ed. by A. Erll, A. Nunning. Walter de Gruyter GmbH & Co, 2008. P. 399

⁶ Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3. С. 40–41; Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / пер. с фр. и вступ. статья С. Н. Зенкина. М.: Новое издательство, 2007. 348 с.

интереса к исследованиям в области политики памяти. Продолжателями «дела Хальбвакса» выступили Пьер Нора, Йорн Рюзен, Алейда Ассман и др.

С распадом Советского блока и самого СССР, в начале 1990-х гг., необходимость выработки новой государственной исторической концепции привела к возрастающему интересу восточноевропейских историков, в том числе и прибалтийских, к проблеме исторической политики и памяти.

В Эстонии пионером в данной области выступил историк и политик Март Лаар, обосновавший в своих работах⁷, принципиально новую историческую концепцию (в первую очередь тезис об оккупации Эстонии Советским Союзом). Кроме того, М. Лаар вместе с М. Тилк и Е. Хергаук являлся автором нового школьного учебника⁸ для эстонских школ с национальным и русским языком обучения, в котором трактовка истории Эстонии полностью совпадала с мнением политической элиты страны в плане идеализации независимой республики 1920-х – 1930-х гг., а также насильственной инкорпорации в состав СССР.

Научная литература, посвящённая не вопросам «исторической памяти» вообще, а именно проблемам государственной исторической политики, стала появляться лишь в последние десятилетия. Что касается реализации исторической политики в странах Балтии – это единичные работы.

Всплеск интереса к собственно политике памяти в Эстонии произошёл значительно позднее, нежели у западных соседей – лишь после событий «Бронзовой ночи» апреля 2007 г., когда в результате сноса монумента «Освободителям Таллина» вспыхнули массовые беспорядки с участием местного русскоязычного населения. Стало очевидно, что в республике существует острый конфликт не только на этноязыковой почве, но и по причине различных трактовок прошлого, в особенности событий Второй мировой войны. В этой связи, в свет вышла работа исследователей из Тартуского и Таллиннского университетов Пилле Петерсоо и Марека Тамма «Монументальный конфликт: память, политика, идентичность в современной Эстонии»⁹, в которой описываются с эстонской точки зрения конфликты с памятниками в Эстонии, а также события «Бронзовой ночи», которые занимают центральное место в данной книге. Авторы апеллируют к понятию

⁷ Лаар М. Красный террор: Репрессии советских оккупационных властей в Эстонии / пер. с эстонск. С. Карм. Таллинн: Grenader, 2005. 47 с.; Лаар М., Валк Х., Вахтре Л. Очерки истории эстонского народа. Таллинн: Купар, 1992. 234 с.; Laar M. Estonia's way [translation by H.-H. Dunning; editing by R. Hazlehurst. – Tallinn: Tallinna Raamatutrukikoda. 296 lk.; Он же Metsavennad: relvastatud vastupanu Eestis Teise maailmasõja järel. Tallinn: Tallinna Raamatutrukikoda, 2013. 368 lk.; Он же War in the woods: Estonia's struggle for survival 1944–1956; translation by Tiina Ets; foreword by Tõnu Parming. Washington: Compass Press, 1992. 272 p.

⁸ Ajalugu 5. klassile / M. Laar, M. Tilk, E. Hergauk. Tallinn: AVITA, 1997. 224 lk.

⁹ Monumentaalne konflikt: mälu, poliitika ja identiteet tänapäeva Eestis / koostanud Pille Petersoo ja Marek Tamm. Tallinn: Trükikoda OÜ Geif, 2008. 308 lk.

коллективная память и приходят к выводу, что государство должно активнее доносить до местного населения (в том числе неэстонского) господствующие исторические воззрения всеми доступными способами, используя литературу, музейные экспозиции, монументальное искусство, СМИ и др. Также следует отметить и другую публикацию Марека Тамма «Монументальная история»¹⁰, в которой автор приходит к констатации того, что в современной Эстонии общественность ещё не осознала важность роли академического подхода к исторической памяти, и понимание исторической политики не заняло должного места в научных кругах. Другими словами, Тамм пишет, что в республике исследования в области политики памяти крайне немногочисленны и данная область слабо изучена.

В статье «В поисках утраченного прошлого: политика памяти в Эстонии, 1991–2011 гг.»¹¹ Марек Тамм анализирует эстонскую историческую политику по четырём аспектам: юридическому, институциональному, коммеморативному и монументальному. Он рассматривает лишь внутривнутриполитическую составляющую политики памяти, не затрагивая её внешнеполитические аспекты. Автор приходит к выводу о стремлении официального Таллина к построению однородной, безальтернативной концепции исторического развития эстонского народа и увязывании национальной идентичности с страданиями прошлого, апеллируя к памяти-травме. Тамм считает, что было бы более уместно поддерживать множественность аргументированных мнений, гарантировать предпосылки для критического обмена мнениями и поддерживать академическое, свободное и политически независимое изучение истории.

Не остались в стороне от обозначенной проблематики и русскоязычные исследователи из Эстонии. Эстонский журналист, доктор философии Игорь Розенфельд в книге «Эстония до и после “бронзовой ночи”»¹² рассматривает социально-политическое развитие Эстонии с момента обретения независимости в 1991 до 2007 г. и анализирует причины событий апреля 2007 г. Также имеются отдельные статьи, сравнивающие политику памяти в Эстонии и других странах. Так Вейко Вихури¹³ сравнивает подход к исторической памяти Эстонии и Польши, констатируя, что обе страны стремятся героизировать собственную историю, воспринимая её как извечную и, в конечном счёте, успешную борьбу за независимость. При этом, по мнению автора, эстонский подход к

¹⁰ Tamm M. Monumentaalne ajalugu. Loomingu Raamatukogu, nr 28–30. Tallinn: SA Kultuurileht, 2012. 206 lk.

¹¹ Tamm M. In search of lost time: Memory politics in Estonia, 1991–2011 // Nationalities Papers. 2013. Volume 41, № 4. P. 651–674.

¹² Розенфельд И. Эстония до и после «бронзовой ночи». Тарту: Крипта, 2009. 576 с.

¹³ Vihuri V. Uuest mälupoliitikast Poolas ja Eestis // Objektiiv 25. aprill 2016. URL: <https://objektiiv.ee/kolumn-uest-malupoliitikast-poolas-ja-eestis/> (дата обращения: 31.07.2019).

политике памяти является более плюралистичным и демократичным по сравнению с польским, где у власти находятся националистические круги. Однако, в обозначенных работах отсутствует комплексный анализ источниковой базы политики памяти в виде законодательных актов, учебной литературы и др. В целом, для эстонской историографии политики памяти характерно акцентирование внимания на проблематике событий XX столетия (обращение к более ранним периодам является редкостью), а также обращение к памяти-травме. При этом наблюдаются различные оценки плюрализма местного дискурса памяти. Исследователи-эстонцы оценивают местный дискурс как весьма толерантный, русскоязычные же исследователи, наоборот, отмечают крайне правый уклон и нетерпимость к иным точкам зрения, как характерную черту местной политики памяти, и, как следствие, её конфликтный характер.

Схожих оценок в историографии политики памяти придерживаются и латвийские историки. Однако, и здесь исследования, посвящённые проблематике политики памяти носят единичный характер и изданы они в последние пятнадцать лет. Заслуживает внимания статья латвийского исследователя Виктора Макарова «"Бои за историю" в Латвии»¹⁴, в которой рассматриваются основные подходы официальной Риги к местной политике памяти и степень её влияния на местное русскоязычное население. Автор акцентирует внимание на государственной символике Латвии, праздничной культуре и их роли в формировании новой политики памяти. Однако, Макаров рассматривает лишь ограниченный круг вопросов исторической памяти, не беря во внимание образовательную сферу, законодательство.

Нильс Муйжниекс в монографии «Геополитика истории в латвийско-российских отношениях»¹⁵ анализирует российский взгляд на латвийскую историю и сравнивает его с национальной историографией, выявляя диаметрально противоположный взгляд на историю (в особенности XX в.). Он обращает внимание на прямую связь между исторической политикой и национальной идентичностью. Кроме того, Муйжниекс подробно описывает латвийский исторический нарратив, который сводит к тезису о «советской оккупации» и исторической преемственности нынешней Латвии по отношению к республике межвоенного периода. Автор отмечает, что наряду с позитивными последствиями выбранной линии исторической политики (быстрая евроатлантическая интеграция, возвращение Латвии её зарубежных активов) имеются и

¹⁴ Макаров В. «Бои за историю» в Латвии // Национальные истории на постсоветском пространстве – II / Под редакцией Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюгова, М.: Фонд Фридриха Науманна, АИРО-XXI, 2009. С. 148–157.

¹⁵ Muižnieks N. The Geopolitics of History in Latvian-Russian Relations. Academic Press of the University of Latvia, 2011. 238 p.

серьёзные её издержки в виде углубляющегося раскола между латышами и русскоязычными на почве диаметрально противоположных взглядов на историю.

Работа, подготовленная исследователями Латвийского университета «Память о советских депортациях в Латвии: политика памяти и общественное пространство»¹⁶, прослеживает отношение населения Латвии к жертвам депортаций 1940 и 1949 гг. в советский и постсоветский период. В контексте нашей работы важно, что авторы приходят к выводу о необходимости планомерной работы государственных учреждений не только по увековечиванию памяти о данных событиях, но и выработке однозначной трактовки депортаций как «преступления советских властей». Это проявление той тенденции, которую Николай Копосов именовал «виктимизацией прошлого»: история – цепь преступлений, а мы – их жертвы (*victimnes*)¹⁷.

Диана Эглитис и Лаура Ардава в статье «Политика памяти: вспоминая Балтийский путь через 20 лет после 1989»¹⁸ рассматривает изменения в восприятии акции «Балтийский путь» (или «Балтийская цепь») в Латвии, освещение данной акции в СМИ в течении 1990-х – 2000-х гг. В работе вводится понятие «поминального спектакля», «коллективного ритуала», которые представляют из себя акции, не привязанные к «великим историческим нарративам», и ставят борьбу за память в ранг шоу и театрализованных спектаклей с целью популяризации в обществе тех или иных взглядов на прошлое.

Значимыми для темы нашего исследования являются и специальные издания, подготовленные местными учёными совместно с Обществом исследования оккупации Латвии¹⁹. Данные работы раскрывают не только сущность исторических воззрений латвийского истеблишмента, но и их аргументацию. Отметим, что «общество исследования оккупации» Латвии является некоммерческой организацией, аффилированной с государством и выполняющей функции фактически института национальной памяти.

Из обозначенных выше публикаций мы видим, что превалирующее значение в прибалтийской историографии посвящённой вопросам политики памяти имеет эксплуатация образа жертвы, навязывание однозначных, как правило антисоветских,

¹⁶ *Kaprāns M., Uzule L., Procevska O., Saulītis A.* Padomju deportāciju pieminēšana Latvijā: Atmiņu politika un publiskā telpa. Rīga: Mansards, 2012. 191 lpp.

¹⁷ *Копосов Н. Е.* Память строгого режима. История и политика в России. М., 2011. С. 52–53.

¹⁸ *Eglitis D. S., Ardava L.* The Politics of Memory: Remembering the Baltic Way 20 Years after 1989 // *Europe–Asia Studies*. 2012. № 64(6). P. 1033–1059.

¹⁹ История Латвии: книга для учителя: эксперим. метод. пособие / под ред. *В. Пуренс, Д. Лиепиня*; [пер. с латышского]. Рига: RaKa, 2000. 241 с.; *Butulis I., Zunda A.* History of Latvia. – Rīga: Jumava, 2015. 253 p.; Ущерб, нанесённый Советским Союзом странам Балтии. Материалы международной конференции, проходившей в Риге 17–18 июня 2011 года / под ред. *Ю. Прикулиса*. Рига: Министерство юстиции Латвийской Республики, Общество исследования оккупации Латвии, 2015. 231 с. и др.

трактовок. При этом имеет место быть декларирование плюрализма, научности, консолидации общества, отсутствующих в реальности.

Близи́хих взглядов к эстонской и латвийской историографии придерживаются и литовские учёные. В частности, Альвидас Никзентайтис в статье «Восточная Литва в литовской культуре и политике памяти»²⁰ пишет об актуализации в начале 1990-х гг. для Литвы и Польши вопросов истории и памяти, в том числе истории принадлежности Виленского края и польско-литовских взаимоотношений периода Второй мировой в связи с юридическим оформлением двусторонних отношений и государственной границы.

Также следует обратиться и к другим публикациям Альвидаса Никзентайтиса по интересующей нас тематике²¹ в которых автор отмечает, что политика памяти в результате крупных социальных потрясений радикально трансформируется; в случае Литвы данным рубежным событием является «Поющая революция» 1987–1991 гг. Кроме того, Никзентайтис в своих исследованиях выделяет два типа памяти: актуальную на данный момент в конкретной стране он именует памятью доминирующей, а ранее существовавшую – культурным воспоминанием. Применительно к анализу политики памяти Литвы, автор отдаёт центральное место истории потери независимости и событийному ряду с этим связанному, отмечая конфликтный характер литовской модели памяти.

Солидарна с Никзентайтисом в вопросе конфликтного характера литовской памяти и Ирена Шутинене, которая в своей работе «Символы национальной истории»²² отслеживает процесс формирования образов национальных героев, в том числе и весьма неоднозначных (из числа лидеров антисоветского подполья). Автор отмечает всё более возрастающую в новейший период роль интерпретаций литовской истории, исходящих от политических элит, нежели реальных исторических фактов.

Статья литовского политолога и общественного деятеля Витаутаса Синицы «Постсоветские парадоксы: историки против исторической памяти нации»²³ также помогает понять характерные черты современной литовской политики памяти. В частности, автор оправдывает принятие официальном Вильнюсом уголовной статьи за отрицание

²⁰ *Nikzentaitis A. Rytų Lietuva lietuvių atminties kultūroje ir politikoje. Istoriko ir atminties kūrėjo santykio problema (Восточная Литва в литовской культуре и политике памяти. Проблема взаимоотношений историка и создателя памяти) // Kultūros barai. 2004. № 10(479). P. 15–19.*

²¹ *Nikzentaitis A. Модели памяти и культурных воспоминаний: Польша, Литва, Россия, Германия // Слово.ру: Балтийский акцент. 2012. № 3. С. 17–32; Nikzentaitis A. Kryžiaus karų epocha Lietuvos kultūrinėje atmintyje // Kryžiaus karų epocha Baltijos regiono tautų istorinėje sąmonėje. Šiauliai, 2007. 327 p. и др.*

²² *Šutinienė I. Tautos istorijos mitai Lietuvos gyventojų sąmonėje // Istorinė sąmonė ir istorijos didaktika. – Vilnius: Švietimo studijų centras, 1997. P. 66–82.*

²³ *Sinica V. Posovietiniai paradoksai: istorikai prieš Tautos istorinę atmintį (Постсоветские парадоксы: историки против исторической памяти нации) // Alkas.lt URL: <http://dev.alkas.lt/2014/01/02/v-sinica-posovietiniai-paradoksai-istorikai-pries-tautos-istorine-atminti/> (дата обращения: 14.04.2021).*

факта «преступлений советской оккупации» тем, что государство должно иметь собственное авторитетное мнение по ключевым событиям прошлого для поддержки исторического и государственного сознания граждан, общей исторической судьбы и ответственности за будущее государства.

Литовский исследователь Томас Статкявичюс в статье «Политика памяти в странах Балтии: два поля анализа»²⁴ сравнивает эстонскую, латвийскую и литовскую политику памяти и выделяет в них две тенденции развития: актуализация советского периода истории и национальный нарратив (этноцентризм). Автор приходит к выводу о существенных различиях в литовском варианте памяти с одной стороны и эстонском, латвийском – с другой. По оценке Статкявичюса литовская историческая повестка более либеральная, нежели у северных соседей. В частности, он отмечает, что в Литве произошла успешная трансформации и встраивание бывшей коммунистической партии в новую политическую систему, которая усилила дискурс по реабилитации советского этапа развития страны как стабильного, индустриализирующего и модернизирующего периода. «Либерализация» также ощущалась с точки зрения деконструкции национального нарратива. В Латвии и Эстонии по-прежнему доминирует отказ от частичной реабилитации советской памяти. На это, по мнению автора, повлияло отсутствие здоровой экс-коммунистической партии и традиция политической элиты изолировать партии русского меньшинства от правящих коалиций.

Тем не менее, обозначенные работы эстонских, латвийских и литовских исследователей рассматривают политику памяти весьма сегментарно, в них отсутствует комплексный анализ источниковой базы в виде законодательных актов, учебной литературы, монументалистики, праздничной культуры. Не представлен и механизм институционализации местной исторической политики. Но уделяется значительное внимание вопросам межэтнических взаимоотношений в республиках и степени восприимчивости населением господствующих исторических трактовок.

Среди работ отечественных историков, применительно к Прибалтике превалируют исследования касательно проблематики прав и статуса русскоязычного населения Эстонии, Латвии, Литвы²⁵, издания же о государственной исторической политике являются крайне

²⁴ Statkevičius T. Atminties politika Baltijos šalyse: dvi probleminės sritys // Politikos mokslų almanachas. 2013. № 13. С. 137–158.

²⁵ Тишков В. А. Русские как меньшинство: пример Эстонии // Эстония: контуры этнополитической эволюции, 1988–1993. М.: ЦИМО ИЭА РАН, 1994. Т. 1. С. 85–105.

Миграции и новые русские диаспоры в постсоветских государствах / под ред. В. А. Тишкова. М., 1996. 238 с.; Дискриминация русских в странах Балтии: причины, формы, возможности преодоления. Сборник статей. М., Рига: Московское бюро по правам человека, 2012. 238 с.; Фурман Д., Задорожнюк Э. Социальные проблемы российского зарубежья. Притяжение Балтии: Балтийские русские и балтийские культуры // Страны Балтии и Россия: общества и государства. М.: Референдум, 2002. С. 65–97; Шибеева Е. И. Региональные

немногочисленными. Тем не менее, на наш взгляд, работы исследователей по интересующей нас тематике целесообразно сгруппировать по следующим категориям:

- Статьи и монографии посвящённые феномену политики памяти в целом или рассматривающие данное явление в третьих странах, затрагивающие Прибалтийские республики лишь опосредованно, но ценные своей концептуальной моделью, методологией и позволяющие выявить общие тренды исторической памяти Восточной Европы, постсоветского пространства, оказывающие прямое или косвенное влияние на прибалтийский исторический дискурс.
- Исследования, фокусирующиеся на событиях XX столетия, в особенности на дискурсе Второй мировой войны (весьма характерно для отечественной историографии).
- Публикации, посвящённые отдельным аспектам памяти: межнациональные отношения, их роль в памяти стран Балтии, учебная литература, монументалистика и др.

К первой группе относятся статьи доктора политических наук Н. А. Медушевского, который рассматривает вопросы политики памяти Европейского Союза в целом, а также Венгрии, Чехии и других стран в частности²⁶. Медушевский указывает на компромиссный характер исторической политики Европейского Союза, её несформированность и продолжающийся поиск приемлемых трактовок событий прошлого. Автор обращает внимание на повышенный интерес европейской политики памяти к критике тоталитарных режимов XX столетия – в данном контексте общеевропейский тренд очень хорошо вписывается в восточноевропейские реалии, где также основной фокус памяти охватывает события последнего столетия.

Аналогичную тему применительно к Беларуси и Украине анализируют А. Д. Асеев и В. В. Шишков в своей работе²⁷, фокусируясь на процессе формирования исторической политики в постсоветских государствах и причинах «войн памяти». Исследователи

особенности положения русскоязычного населения Прибалтики. М.: Институт диаспоры и интеграции (Институт стран СНГ), 2010. 100 с. и др.

²⁶ Медушевский Н. А. Размышления о политике памяти: Сборник работ: Издательские решения, 2019. 146 с.; Он же Политика памяти в Европейском союзе как инструмент реализации интеграционного процесса // Власть. 2019. № 3. С. 167–174; Он же Политика памяти в современной Венгрии // Теории и проблемы политических исследований. 2020. Том 9. № 4А. С. 5–18; Он же Политика памяти в Чешской Республике на современном историческом этапе // Теории и проблемы политических исследований. 2020. Том 9. № 4А. С. 19–33. и др.

²⁷ Асеев А. Д., Шишков В. В. Россия в «войнах памяти»: историческая политика в Восточной Европе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2020. № 2(839). С. 9–23.

приходят к выводу о стремлении местных элит за счёт ревизии истории обеспечить развитие национальных идентичностей, а антироссийская направленность видится им как инструмент избавления от реального или мнимого влияния Москвы.

Представляет значимость для нас и сборник статей под редакцией А. Миллера²⁸, в котором собран целый ряд исследований, посвящённых становлению и реализации исторической политики в странах Центральной и Восточной Европы. В том числе рассматриваются концептуальные основы и методология исследования вопросов исторической политики.

Прямую взаимосвязь между политикой памяти и школьной учебной литературой на примере Франции анализирует в своих трудах Андрей Гладышев²⁹. Автор приходит к выводу о стремлении французских властей соединить монархическую и республиканскую традиции через мифологизацию национальных героев. Данный тренд прослеживался в учебной литературе с XIX в., вплоть до 1970-х гг., пока на первый план не вышла идея сохранения памяти о значимых событиях прошлого и освобождение от мифологизации национальной истории.

Обозначенные труды позволили нам проанализировать имеющийся научный задел по проблематике политики памяти и сопоставить его с эстонским, латвийским, литовским материалом. В результате, можно констатировать, что в Прибалтийских республиках имеют место быть основные восточноевропейские тренды политики памяти – такие как сфокусированность на проблематике XX столетия, формирование новых национальных идентичностей за счёт ревизии прошлого (и антироссийской направленности, в частности), наличие «поздней» или «отложенной» люстрации и др.

К группе исследований, фокусирующихся на событиях XX века и Второй мировой можно отнести труды А. Дюкова³⁰, в которых автор акцентирует внимание на фактах переписывания истории событий XX столетия в Прибалтике и Украине. Особое внимание в работе уделяется проблематике инкорпорации Прибалтики в состав СССР и Великой Отечественной войне, остальные аспекты местного исторического дискурса обойдены вниманием. Тематике ревизии истории Второй мировой войны в значительной степени посвящено и совместное исследование А. Дюкова и В. Симиндея «Государственная

²⁸ Историческая политика в XXI веке: Сборник статей под ред. А. Миллера, М. Липмана. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 648 с.

²⁹ Гладышев А. В. Конструирование исторической памяти и школьные учебники (опыт Франции) // Европа. Международный альманах. Тюмень: Издательско-полиграфический центр «Экспресс», 2010. Вып. IX. С. 46–51; Он же Формирование исторической памяти: школьные учебники и Французская революция // История и историческая память. Саратов, 2010. Вып. 2. С. 30–61.

³⁰ Дюков А. Р. Историческая политика или историческая память // Международная жизнь. 2010. № 1. С. 133–148; Он же Второстепенный враг. ОУН, УПА и решение «еврейского вопроса». М.: Regnum, 2008.

историческая политика Латвии: материалы к изучению» в котором авторы критически оценивают стремление официальной Риги к конструированию собственной исторической политики на героизации местных пронацистских деятелей (из числа формирований СС, лесных братьев и др.)³¹. Здесь вновь авторы концентрируются практически исключительно на событиях Второй мировой войны, привлекая значительный круг документов из отечественных архивов.

Необходимо отметить и исследования, опубликованные Центром изучения культурной памяти и символической политики Европейского университета в Санкт-Петербурге, который специализируется на изучении политики памяти в России, Восточной Европе и на постсоветском пространстве. В частности, следует обратиться к работе Е. И. Махотиной «Преломления памяти: Вторая мировая война в мемориальной культуре советской и постсоветской Литвы»³², в которой автор анализирует монументальную культуру официального Вильнюса как одну из составляющих местной политики памяти, обращаясь к наиболее противоречивой её части – событиям Второй мировой войны.

В работе калининградского исследователя М. Е. Мегем³³ проводится анализ мемориальной политики Прибалтийских республик, в которой автор приходит к выводу о её взаимозависимости от евроатлантической интеграции стран региона. В частности, в исследовании рассматривается процесс деактуализации советского мемориального наследия (в первую очередь речь идёт о монументах, относящихся к событиям Великой Отечественной войны) и приспособления его под мейнстрим европейской политики памяти на протяжении 1990-х – 2000-х гг. (например, переоборудование мемориальных комплексов жертвам преступлений нацизма в Эстонии, Латвии, Литве в памятники жертвам Холокоста).

Весьма критично к анализу прибалтийской политики памяти подходит российский исследователь Артём Фёдоров³⁴, который выделяет сходные черты и институты в исторической политике Эстонии, Латвии, Литвы и концентрирует внимание на антироссийском дискурсе данных государств, в первую очередь затрагивая аспекты прямо или опосредованно затрагивающие события Второй мировой войны. Фёдоров, как и Ю. Кантор, Е. Махотина и другие отечественные авторы, отмечает в качестве важной

³¹ Дюков А., Симиндей В. Государственная историческая политика Латвии: материалы к изучению. М.: Фонд «Историческая память», 2013. 264 с.

³² Махотина Е. И. Преломления памяти: Вторая мировая война в мемориальной культуре советской и постсоветской Литвы; научный редактор: А.И. Миллер. С-Пб.: Издательство Европейского университета, 2020. 254 с. и др.

³³ Мегем М. Е. Снести нельзя оставить: ключевые тенденции политики памяти стран Балтии в отношении советских памятников в местах массового насилия // Балтийский регион. 2022. № 4. С. 128–145.

³⁴ Фёдоров А. П. «Войны памяти» – элемент информационной войны против России. На примере прибалтийских стран // Научно-аналитический журнал Обозреватель – Observer. 2020. № 8. С. 88–99.

характерной черты прибалтийской памяти о войне – культивирование образа жертвы, как результата действий «чужеземной», в первую очередь немецкой, советской власти.

Публикации, посвящённые отдельным аспектам памяти Прибалтийских республик, также представлены в отечественной историографии. Статья российского исследователя Андрея Скачкова «Историческая память в политических процессах постсоветской Прибалтики»³⁵ анализирует роль эстонской, латвийской и литовской эмиграции в формировании национальных элит и исторической памяти в духе антисоветизма и оправдания нацизма. Автор также указывает на углубление острого конфликта между двумя противоположными «историческими памятьями» на основе различного восприятия местной русскоязычной общиной и титульным населением военного и послевоенного периодов развития Прибалтики.

Важные вопросы методологического характера об исследовательских стратегиях анализа нарративов и коммеморативных практик представлены Ольгой Малиновой, обратившей, в частности, внимание на стремление акторов политики памяти посредством коммеморации легитимировать собственную власть, оправдать принимаемые решения, мобилизовать электоральную поддержку, укрепить солидарность группы, продемонстрировать несостоятельность оппонентов, приобрести материальные и организационные ресурсы и пр.³⁶

Роль политических элит Прибалтийских республик в формировании местной политики памяти также исследует Вадим Смирнов³⁷. Он описывает законодательные и административные методы, используемые местным истеблишментом для утверждения господствующих трактовок прошлого, а также выделяет этапы развития исторической политики стран Балтии, где реперными точками выступают внешнеполитические события – в первую очередь вехи евроатлантической интеграции Эстонии, Латвии, Литвы.

Статья Милены Коротковой «Коммеморация независимости прибалтийских республик в период „Поющей революции“»³⁸ посвящена начальному этапу формирования прибалтийской политики памяти на излёте советской эпохи в конце 1980-х гг. Обращаясь к событиям «Поющей революции», автор анализирует символическую составляющую протестного движения Прибалтийских республик и разъясняет использование

³⁵ Скачков А. С. Историческая память в политических процессах постсоветской Прибалтики // Сравнительная политика. 2017. № 1. С. 140–151.

³⁶ Малинова О. Ю. Политика памяти как область символической политики // Методологические вопросы изучения политики памяти: Сб. научн. тр. / Отв. ред. Миллер А. И., Ефременко Д. В. М.-СПб: Нестор-История, 2018. С. 27–53.

³⁷ Смирнов В. А. Роль политических элит в формировании исторической политики в странах Прибалтики // Балтийский регион. 2015. № 2(24). С. 78–97.

³⁸ Короткова М. В. Коммеморация независимости прибалтийских республик в период «Поющей революции» // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2015. № 5–6. С. 64–69.

коммеморации местными активистами как политического инструмента для активизации, популяризации протестного движения и разрыва с советским историко-культурным нарративом.

В работе Максима Кирчанова³⁹ подробно анализируется место континуитета в политике памяти стран Балтии. Автор отмечает латвийский опыт как наиболее последовательный вариант претворения в жизнь идеи правопреемственности нынешнего государства республике межвоенного периода. Литовский вариант предстаёт в статье как двойной континуитет – обращение не только к государству 1918–1940 гг., но и к средневековому Великому княжеству Литовскому. По мнению Кирчанова, континуитет стал одной из ключевых скреп прибалтийской политики памяти, обусловил целый ряд её специфических черт, хотя и является компромиссным по своей сути.

В книге Геннадия Бордюгова «'Войны памяти'» на постсоветском пространстве»⁴⁰ рассматривается феномен «войн памяти» в XXI в. на постсоветском пространстве, затрагиваются в том числе и интересующие нас страны. Работа носит в большей степени публицистический характер и концентрирует внимание на внешних проявлениях политики памяти постсоветских государств (демонтаж советских монументов, преподавание истории, отношения с Российской Федерацией), не затрагивая глубинных процессов становления и развития исторической политики в регионе.

Необходимо отметить и сборник статей, посвящённый исключительно Прибалтике и местной интерпретации истории, в частности, подготовленный фондом «Историческая память»⁴¹. В отличие от большинства отечественных изданий, опубликованные в данном труде работы, концентрируют внимание не только на Прибалтике в годы Второй мировой войны, но и обращаются к тематике межвоенного периода, перестройке, формированию национально-государственной идентичности в 1990-е, а также этноязыковому конфликту в Эстонии и Латвии. Так, в статье И. Никифорова «Политика исторической памяти в странах Балтии» даётся характеристика прибалтийской исторической политики как системной, целенаправленной, обладающей высокой степенью институционализации (посредством создания специализированных комиссий, музеев, институтов национальной памяти). Также автор отмечает интегрированность местной повестки памяти в этнополитическую архитектуру региона. В. Симиндей в статье «Инструментарий государственной

³⁹ Кирчанов М. В. Континуитет и дискретность в современных исторических памятниках стран Балтии: (мифы политической нации vs мифы политизированной этничности) // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2019. № 1(16). С. 180–218.

⁴⁰ Бордюгов Г. А. «Войны памяти» на постсоветском пространстве / Предисловие Алана Касаева. М.: АИРО-XXI, 2011. 256 с.

⁴¹ Прибалтийские исследования в России. 2015. Сборник статей / сост. М. А. Вилков, В. В. Симиндей. М.: Издательский центр фонда «Историческая память», 2015. 480 с.

исторической политики Латвии: воздействие на историческое сообщество», также опубликованной в данном сборнике, констатирует идеологизированность латвийской исторической науки касательно событий XX в. Автор пишет об оказываемом официальной Ригой давлении на научное сообщество посредством государственных и аффилированных с ним органов и институтов.

Отдельно хотелось бы остановиться на историографии, анализирующей учебники и историческую память на постсоветском пространстве. В данной связи нельзя не отметить коллективный труд «Школьный учебник истории и государственная политика»⁴² в котором авторы анализируют учебник истории как политический феномен и предлагают своё видение данной проблематики. Так, отмечается антироссийский настрой большей части школьной исторической литературы постсоветских республик и необходимость России реагировать на переписывание истории. В работе представлен анализ и прибалтийских учебников истории, в которых присутствует искусственное удревление титульных этносов, конфликтный характер взаимоотношений с Россией, применительно к советскому периоду превалирует описание с использованием терминов «агрессия», «оккупация», «репрессии». Нам представляется, что при анализе борьбы ревизионистских и традиционных трактовок прибалтийскими историками прошлого следует учитывать такой нюанс: даже у профессиональных историков есть следы социальной памяти (непрофессионального знания о прошлом) и склонность следовать авторитарным текстам великих предшественников. Авторы обобщающих национальных научных или учебных нарративов не могут одинаково хорошо разбираться во всех тонкостях изучения многовековых процессов.

Собственно страны Балтии и их виденье прошлого рассматривает Дмитрий Лошков в своей статье⁴³. Автор обращает внимание на широкий спектр проблемных тем, получивших диаметрально противоположные оценки в российских и прибалтийских учебниках истории – к таковым относится присоединение стран Балтии к СССР, коллаборационизм в годы Великой Отечественной войны, сама война и весь период пребывания данных государств в составе Советского Союза. При этом Лошков скептически оценивает возможность объективного освещения данных событий за рубежом в силу современных политических реалий.

⁴² Багдасарян В. Э., Абдулаев Э. Н., Клычников В. М., Ларионов А. Э., Морозов А. Ю., Орлов И. Б., Строганова С. М. Школьный учебник истории и государственная политика. М.: Научный эксперт, 2009. 376 с.

⁴³ Лошков Д. Б. Россия и страны Балтии – не лучше ли обойтись без претензий? // Преподавание истории в школе. 2005. № 8. С. 25–36.

Сравнительный анализ школьных учебников истории постсоветских республик, в том числе и Прибалтийских, представлен в целом ряде отечественных исследований⁴⁴. Их авторы сходятся во мнении относительно ревизионистского подхода к истории в Эстонии, Латвии, Литве относительно ключевых событий XX столетия и доминирования крайне негативных оценок советского периода. В частности, помимо изложения содержания учебников в труде А. А. Данилова и А. В. Филиппова представлены также анализ систем преподавания истории в школе и наиболее красноречивые цитаты трактовок прошлого, раскрывающие позицию авторов учебной литературы и основные послылы местной политики памяти.

Подводя итог анализу отечественной историографии по интересующей нас тематике, следует отметить повышенный интерес исследователей к проблематике событий Второй мировой войны (инкорпорация республик в состав СССР, боевые действия, коллаборационизм, интерпретация и оценка в странах Балтии), различные оценки прошлого титульным и русскоязычным населением. Авторы приходят к схожим выводам, отмечая эксплуатацию прибалтийскими исследователями образа жертвы для своих стран применительно к ключевым событиям XX столетия, доминирование негативных, часто весьма тенденциозных оценок советского периода истории.

При этом, по нашему мнению, проблематика прибалтийской политики памяти в отечественной историографии рассматривается весьма однобоко – превалирует тематика Второй мировой и, вместе с тем, практически не изучена интерпретация других исторических периодов (Польско-литовская уния, Шведский период, развитие в составе Российской империи, межвоенный период), их роль в конструировании местной исторической памяти. Не уделяется должного внимания проблематике правового континуитета официальных Таллина, Риги, Вильнюса (правопреемственности нынешних государств республикам межвоенного периода), процессу государственного строительства, институционального оформления политики памяти.

Исследования зарубежных авторов (к которым мы не относим прибалтийских исследователей, выделенных в отдельную группу), посвящённые исключительно проблематике политики памяти Прибалтийских республик носят единичный характер в силу новизны данного направления и периферийного характера самого прибалтийского

⁴⁴ Данилов А. А., Филиппов А. В. Освещение общей истории России и народов постсоветских стран в школьных учебниках истории новых независимых государств. М.: Государственный Клуб, 2009. 389 с.; Старые и новые образы в современных учебниках истории / под ред. Ф. Бомсдорфа и Г. Бордюгова. М.: Фонд Фридриха Науманна, «АИРО- XX», 2002. 352 с.; Филиппов А. В. Школьная история и общественное мнение в постсоветских странах // История и историческая память: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. А. В. Гладышева. Саратов: Сарат. гос. ун-т, 2015. Вып. 12. С. 44–62.

региона. Однако, имеется целый ряд работ, опосредованно связанный с исторической политикой стран Балтии. Так, применительно к теме нашего исследования, необходимо отдельно остановиться на трудах немецкого учёного Бориса Мейснера – остзейского немца по рождению, занимавшегося правовыми вопросами инкорпорации стран Балтии в состав СССР. Данному аспекту посвящена его диссертация – «Советская интервенция в Прибалтике и международно-правовая проблема балтийского вопроса» (*Die sowjetische Intervention im Baltikum und die völkerrechtliche Problematik der baltischen Frage*), которая была издана как отдельная монография в 1956 г. под названием «Советский Союз, страны Балтии и международное право»⁴⁵. Ещё в 1946 г. Мейснер выступил основателем Гёттингенской рабочей группы (*Göttinger Arbeitskreis*), в центре научных интересов которой находились история и культура немецкого населения Восточной Европы (в том числе и Прибалтика), а также обоснование непризнания новых послевоенных границ Германии (в первую очередь восточной границы). В 1981 г. Мейснер стал полноправным членом Балтийской исторической комиссии, а затем вместе с Вильфридом Шлау и Дитрихом А. Лёбером⁴⁶ основал «Исследовательскую группу по современным исследованиям Балтики». К началу 1991 г. публикации Гёттингенской рабочей группы по прибалтийской тематике, в основном касающиеся XX века, были объединены в двух томах под программным названием «Балтийские нации. Эстония. Латвия. Литва»⁴⁷. Около десяти других сборников научно-исследовательских работ были в основном опубликованы в серии «*Bibliotheca Baltica*»⁴⁸. Именно данные труды Мейснера, Лёбера и Гёттингенской рабочей группы в целом, стали основным источником формирования исторической «концепции оккупации стран Балтии» (и её аргументации), которая и легла в основу государственной исторической политики Эстонии, Латвии, Литвы (хотя упомянутые авторы понятие «политика памяти» в своих трудах не используют, но поясняют, что историческую науку можно и нужно использовать для достижения конкретных политических целей).

⁴⁵ *Meissner B.* Die Sowjetunion, die Baltischen Staaten und das Völkerrecht. Köln: Verlag für Politik und Wirtschaft, 1956. 377 p.

⁴⁶ The European Communities and Eastern Europe: an emerging new relationship: selected materials covering the years 1988–1991 / compiled by *Dietrich André Loeber*. Hamburg, 1991 172 p.; Regional identity under Soviet rule: the case of the Baltic states / editors: *Dietrich André Loeber* ... [et al.] Hackettstown (N.J.): published for the Institute for the Study of Law, Politics, and Society of Socialist States, University of Kiel, 1990, 470 p.; *Loeber Dietrich A.* Regional identity under Soviet rule: the case of the Baltic states: towards Baltic regional identity. N.J.: Hackettstown, 1987. P. 115–124.

⁴⁷ *Baltische Nationen. Estland, Lettland, Litauen* / hrsg. Von *Boris Meisner*. 2. Version. Köln: Marcus Verlag, 1991. 428 p.

⁴⁸ Die baltischen Staaten im weltpolitischen und völkerrechtlichen Wandel: Beiträge 1954–1994 / *Boris Meissner, Dietrich A. Loeber*. Hamburg: Bibliotheca Baltica, Tallinn: Ühiselu, 1995. 319 p. и др.

Вопросы интерпретации истории в Прибалтике рассматриваются в работе «Оспариваемые и общие места памяти. История и политика в Северо-Восточной Европе»⁴⁹. Авторы указывают на значительные отличия прибалтийского варианта памяти от центральноевропейского, указывая на превалирующее внимание историков и политиков из Эстонии, Латвии, Литвы к событиям Второй мировой войны и к «преступлениям» советской власти. Кроме того, в Прибалтике значительно меньше внимания уделяется проблеме холокоста, нежели в Западной и Центральной Европе.

Проблематику взаимосвязи национального государственного строительства и исторической памяти анализирует канадский исследователь Тарас Кузё в статье «Историческая память и формирование наций на постсоветском колониальном пространстве»⁵⁰. Он оценивает Советский Союз как последнюю колониальную империю, десятилетиями «угнетавшую» народы, входившие в его состав. Национальная историография постсоветских государств, в его интерпретации, предстаёт как важнейший фактор национального самосознания и национально-государственного строительства; негативная же оценка советского прошлого видится Крузе как «освобождение» от угнетавшего имперского наследия.

Опосредовано представленной исследовательской темы касается работа Михала Вита и Магдалены М. Баран «Трансрегиональные и национальные взгляды на современную историю Центральной Европы»⁵¹, которая посвящена вопросам национальной идентичности и их взаимосвязи с строительством национальных государств в Центральной Европе в XX–XXI вв. Подавляющее большинство работ иностранных авторов напрямую или опосредовано затрагивающих проблематику политики памяти в Эстонии, Латвии и Литве солидарны в своих выводах и исторических воззрениях с местной историографией касательно «советской оккупации» и «восстановления» независимости стран Балтии в 1991 г.

К проблематике идентичности обращается и чешский исследователь Анна Громилова⁵², которая в своей работе изучает роль монументального искусства Эстонии, Латвии, Литвы в формировании национального самосознания. Автор обращает внимание на сходство монументальной политики Эстонии и Латвии, где этноязыковая разобщённость

⁴⁹ *Contested and Shared Places of Memory. History and politics in North Eastern Europe / edited by Jorg Hackmann, Marko Lehti. London: Routledge, 2013. 168 p.*

⁵⁰ *Kuzio T. History, memory and nation building in the post-Soviet colonial space // Nationalities Papers. 2002. № 2(30). P. 241–264.*

⁵¹ *Vit M., Baran M. M. Transregional versus National: Perspectives on Contemporary Central European History. Stuttgart, 2017. 380 p.*

⁵² *Gromilova A. Changing identities of the Baltic states: three memories in stone // CES Working Papers. 2014. № VI(2A). P. 94–110.*

наложилась на различные взгляды о прошлом и обернулась «войнами памятников». Литва же, по мнению автора, в большей степени стремится принять своё спорное прошлое и перейти к этапу примирения, концентрируясь не на советском периоде развития, а на истории Великого княжества Литовского. При этом в упомянутой публикации отмечается стремление Эстонии к построению северного идентитета, Литвы – тяготение к центральноевропейскому варианту.

Большинство работ по исторической политике строится вокруг изучения дискурса прошлого, а таким коммеморативным практикам как музейные экспозиции или открытие новых мемориальных комплексов внимания уделяется гораздо меньше.

В результате проведённого анализа литературы, можно констатировать, что фундаментального труда, охватывающего историческую политику во всём её многообразии в целом, и в Прибалтийских республиках в частности, вплоть до настоящего времени не создано ни в отечественной, ни в зарубежной историографии.

В отличие от названных исследований в представленной диссертационной работе делается первая попытка комплексного изучения государственной исторической политики Прибалтийских республик в контексте общественно-политического развития, а также в новейших условиях их вступления в ЕС, НАТО и обострившейся конфронтации с Россией в 2010-е гг.

Основные группы источников

По интересующей нас тематике исследования имеется достаточно объёмная источниковая база, представленная как на государственных языках Эстонии, Латвии, Литвы, так и на английском, в меньшей степени русском языках.

Были проанализированы следующие группы источников:

Законодательные акты Эстонии, Латвии, Литвы и связанные с ними делопроизводственные документы: Конституции Эстонской, Латвийской и Литовской Республик, декларации о восстановлении независимости, реституционное законодательство, учредительные документы институтов национальной памяти, законы о трактовках исторического прошлого, о национальной памяти, законодательство о праздничных и памятных датах, мемориальное законодательство (законы о военных захоронениях, законы о памятниках и др.), Уголовные кодексы, предусматривающие санкции за противоречащую официальным версиям трактовку исторического прошлого (при наличии таковых), а также поправки к данным законодательным актам; учредительные законодательные акты и уставные документы институтов национальной памяти и схожих с ними организаций (как государственных, так и общественных организаций). Часть источников данной группы доступна на русском языке (конституции и основополагающие

законы), большая же часть законодательных актов и поправок к законам в связи с отсутствием официального перевода на русский язык использовалась на эстонском, латышском, литовском, английском языках. Данная группа источников является одной из основополагающих в нашем исследовании, обладает высокой информативностью и позволяет получить сведения о формировании исторической политики, государственного строительства, правовом статусе различных групп коренного и русскоязычного населения⁵³, об изменении и динамике государственной линии в вопросах исторической политики, статуса национальных меньшинств (апеллирование к правовому континуитету стало одним из оснований для поражения в правах всех прибывших в Прибалтику в период существования Эстонской, Латвийской, Литовской ССР).

Отдельно необходимо отметить важность для представленного исследования использования стенограмм парламентских заседаний Рийгикогу (эстонский парламент), Сеймов Латвии и Литвы. Стенограммы, как и другие парламентские документы, имеются исключительно на эстонском, латышском и литовском языке соответственно и, насколько нам известно, вводятся в научный оборот в Российской Федерации впервые. Привлечение парламентских документов позволяет раскрыть механизм принятия тех или иных политических решений, законодательных актов и выявить факторы, повлиявшие на их принятие.

Международные договоры: международные договоры и межгосударственные соглашения заключённые Прибалтийскими республиками, либо третьими странами касательно обозначенных государств, их внешнеполитической, внутривнутриполитической деятельности по теме данного исследования. К таковым относятся: российско-эстонские, российско-латвийские, российско-литовские межгосударственные договоры и соглашения (касающиеся политики России по отношению к фальсификации истории, к соотечественникам, проживающим за рубежом); соглашения прибалтийских государств друг с другом и третьими странами; договоры о европейской и североатлантической интеграции, резолюции и официальные заявления международных организаций (в частности – Резолюция Европейского парламента от 19 сентября 2019 г. о важности европейской памяти для будущего Европы) и др. Привлечение вышеизложенной группы источников призвано проследить влияние взаимоотношений с другими государствами,

⁵³ *Русскоязычное население* – постоянные жители Эстонской ССР и Эстонской Республики, Латвийской ССР и Латвийской Республики, Литовской ССР и Литовской Республики, для которых, во-первых, русский язык является родным или функционально первым языком независимо от их этнического происхождения (например, для этнических русских или лиц других национальностей) и которые, во-вторых, осознают свою причастность к «русскому миру» как к трансграничной культурно-исторической общности. В большинстве официальных документов Эстонской, Латвийской, Литовской Республик, а также в научных работах и периодической печати «русскоязычное население» определяется по лингвистическому параметру.

международными организациями на трактовку событий прошлого, в исторической политике стран Прибалтики.

Вторую группу составляют источники, происходящие от различных структур и лиц, проводивших мониторинг интересующих нас процессов как на отдельных этапах, так и в целом.

Статистические данные и опросы населения: переписи населения 1989, 2000, 2011 г., результаты государственных выборов, референдумов и другая информация, представленная департаментами статистики Прибалтийских Республик, регистрами народонаселения МВД, Департаментами гражданства и миграции Эстонии, Латвии, Литвы, Euro stat, статистические материалы общественных организаций, научных публикаций и исследований. Большая часть информации представлена на русском, эстонском, латышском, литовском и английском языках. Статистика позволяет нам отслеживать результативность тех или иных инициатив, государственных программ в сфере интеграции, образования, а также реакцию населения на официально продвигаемую историческую парадигму. Так результаты выборов и референдумов, миграционные процессы, статистика приобретения гражданства или выхода из него свидетельствуют о степени общественной поддержки тех или иных не только политических, но и исторических трендов.

Социологические исследования и опросы населения государственными, негосударственными, общественными организациями, социологами и другими исследователями, международными организациями и Европейским Союзом. Большинство опубликованных опросов представлены помимо национальных и на русском языках; опросы позволяют нам выявить не только отношение людей к законодательным актам, к различным событиям, но также восприятие событий прошлого, его предлагаемые трактовки, отследить реакцию населения на политику памяти.

Периодическая печать: русскоязычная периодическая печать Эстонии («Вести дня», «День за днём», «Молодёжь Эстонии», «Московский Комсомолец Эстония», «Северное побережье», «Столица», «Linnaleht», «Postimees»); эстоноязычная периодическая печать («Eesti Express», «Eesti Päevaleht», «Postimees», «Õhtuleht»); русскоязычная периодическая печать Латвии («Вести», «МК Латвия», «Час», «Телеграф»), латышская периодическая печать («Diena», «Latvijas Avīze», «Neatkarīgā Rīta Avīze»); русскоязычная литовская периодическая печать («Литовский курьер», «Обзор», «Экспресс-неделя»), литовская периодическая печать («Lietuvos rytas», «Verslo naujienos»); российская периодическая печать («Коммерсантъ», «Комсомольская правда», «Московский Комсомолец»); Новостные интернет-издания (DELFI.ee, DELFI.lt, DELFI.lv, Newsru.com, Регнум Балтика). Привлечение периодической печати обусловлено тем, что она является и проводником

политики памяти, средством манипулирования общественным сознанием, и, в то же время, зеркалом актуальных для общественности проблем. Кроме того, печать отличается быстрой реакцией на текущие события (в указанный хронологический период) и довольно подробным их изложением, часто весьма конъюнктурным.

Источники личного происхождения (мемуары, дневники, интервью и др.): содержат высказывания крупных международных лидеров и прибалтийских политических деятелей по вопросам интерпретации исторического прошлого, которые в известной степени и отражают местную политику памяти. В этой связи нельзя обойти стороной работы мэра Таллина (в 2001–2004 и 2007–2015 гг.) и лидера Центристской партии (в 1991–2016 гг.) Эдгара Сависаара «Правда об Эстонии»⁵⁴ и президента Эстонии (в 2006–2016 гг.) Тоомаса Хендрика Ильвеса «Говорит глава государства»⁵⁵, в которых данные политики рассуждают о своём отношении к историческому прошлому страны и эпохальным событиям, свидетелями которых являлись. Значима и работа первого президента Латвии (в 1993–1999 гг.) Гунтиса Улманиса «Путь президента»⁵⁶, в которой также содержатся оценки событий прошлого, доминирующие в латвийском истеблишменте, позволяющие раскрыть причины принятия важных политических решений, в том числе и в вопросах исторической памяти. Следует отметить и воспоминания Руты Максовны Шац-Марьяш, депутата Латвийского Сейма с 1990 по 1998 г. В своей книге воспоминаний «В калейдоскопе моей памяти»⁵⁷, она освящает процесс принятия ключевых законодательных решений в 1990-е гг. в независимой Латвии, от которых идёт отсчёт оформление официальной политики памяти (в том числе и вопрос об исторической преемственности Латвийского государства). Историю Народного Фронта Латвии и начало карьеры многих видных местных политических деятелей рассматривает в своих воспоминаниях секретарь ЦК КП Латвии в 1990–1991 гг., первый секретарь Рижского горкома в 1985–1991 гг., Арнольд Клауцен⁵⁸. Автор описывает трансформацию взглядов латвийского истеблишмента не только в вопросах государственного строительства, но и интерпретации недавнего советского прошлого – эпохи Латвийской ССР. Воспоминания латвийского политика и публициста, члена Народного Фронта Владлена Дроздовцева⁵⁹ освещают проблему роста национализма во властных кругах по мере строительства независимого Латвийского

⁵⁴ Сависаар Э. Правда об Эстонии. Таллинн, 2013. Т. 1. 445 с.

⁵⁵ Ильвес Т. Х. Говорит глава государства / сост. О. Коппель, перевод И. Низаметдинов. Таллин: EestiKostööKogu, 2014. 160 с.

⁵⁶ Улманис Г. Путь президента / пер. с латыш. Л. Азаровой. Рига: Preses nams, 1996. 286 с.

⁵⁷ Марьяш Р. М. Калейдоскоп моей памяти. Рига: Acis, 2003. 470 с.

⁵⁸ Клауцен А. П. Песенная революция. Как латышские националисты победили красных латышских стрелков. Воспоминания. М.: Свет, 2018. 425 с.

⁵⁹ Дозорцев В. Другой Юрканс. Юрмала: Vladlens Dozorčevs, 2018. 440 с.

государства. Весьма ценны для изучения поставленной проблемы и работы литовского политика, председателя Верховного Совета Литовской ССР, активного лидера Саюдиса Витаутаса Ландсбергиса⁶⁰, одного из создателей эстонского Народного Фронта Виктора Пальма⁶¹, видного американского дипломата Струба Тэлботта⁶², в которых также рассматривается процесс строительства национальной государственности и механизм принятия основополагающих решений. Кроме того, данные источники содержат интерпретации исторических событий, которые легли в основу постулатов политики памяти. Помимо вышеизложенного, в упомянутых работах присутствуют и выступления (в том числе кулуарные) политической элиты на исторические и смежные темы, напрямую затрагивающие вопросы политики памяти. Используемые в данном исследовании мемуары, интервью и другие источники личного происхождения были опубликованы либо в период исполнения их авторами властных полномочий, либо после ухода в отставку.

Также необходимо выделить такие специфические источники, направленные на популяризацию основных тезисов исторической политики Прибалтийских республик и оказывающие прямое влияние на массовое сознание населения, как учебная литература, методические пособия для учителей, подборки исторических документов для общеобразовательных курсов по истории (практикумы, хрестоматии), издававшиеся в Эстонии, Латвии, Литве.

Визуальные источники: художественные и документальные фильмы исторической тематики, картины, музейные экспозиции, монументальное искусство, мемориальные комплексы и др. Важность данного типа источников состоит в том, что они являются наглядным воплощением политики памяти. Однако следует оговориться, что изучение данного типа источников с гносеологической точки зрения весьма затруднено из-за невозможности формализации историком художественной ценности и эмоционального воздействия произведений литературы, живописи и, особенно, художественного и документального кино, играющих важную роль в политике памяти.

Цель исследования – Определить содержание и роль исторической политики в национально-государственном строительстве стран Прибалтики в 1991–2014 гг., степень ее системности, специфику и эффективность.

Задачи исследования:

⁶⁰ Landsbergis V. Viešoji informacija apie 1993 m. savanorių akciją Pakauinėje. Vilnius: Konservatyvioji ateitis, 2006. 94 lpp.

⁶¹ Пальм В. Из воспоминаний // Анатомия независимости: Сборник статей / под ред. Р. Григоряна, И. Розенфельда. Тарту: Kripta, 2004. С. 216–245.

⁶² Тэлботт С. Билл и Борис. Записки о президентской дипломатии. М: Издательский Дом «Городец», 2003. 507 с.

1. Выявить специфику режима памяти – баланса влияний различных акторов на историческую политику в странах Прибалтики и роль центральной государственной власти как актора этой политики.

2. Раскрыть соотношение различных сфер применения исторической политики, эволюцию акцентирования её векторов.

3. Проследить институциональное и законодательное оформление исторической политики, создание механизмов осуществления этой политики.

4. Выявить «узловые» пункты в историческом прошлом стран Прибалтики, подвергшиеся ревизии в 1991–2014 гг. Определить подходы профессиональных прибалтийских историков к конструированию образа прошлого: как они способствовали/противодействовали ревизии прошлого политиками и госчиновниками.

5. Проследить связь исторической политики с электоральными циклами и в целом с вопросами внутренней политики стран Прибалтики, выявить «всплески» историко-политического дискурса, их лейтмотивы и причины.

6. Проследить, как историческая политика взаимосвязана с внешней политикой стран Прибалтики.

7. Сопоставить содержание и характер исторической политики стран Прибалтики 1991–2014 гг. между собой и с исторической политикой стран Восточной Европы, а также Европейского Союза в целом. Проследить зависимость политики властей стран Прибалтики от поисков идентичности в рамках ЕС, изменения в их политике памяти после вступления этих стран в ЕС, влияние внешнеполитического курса США и законов, принимаемых в Европарламенте на историческую политику стран Прибалтики.

8. Проследить, как различные элементы общества реагировали на государственную политику в области ревизии прошлого.

9. Определить уровень системности и эффективности (в соответствии с субъективными целями) исторической политики стран Прибалтики в 1991–2014 гг.

Теоретическая и методологическая основа исследования. Обширный круг целей, задач и методов исторической политики обуславливает необходимость использования широкого круга междисциплинарных методов изучения и анализа вопросов памяти, что усложняет работу исследователя в данном научном поле. Здесь тесно взаимодействуют и дополняют друг друга историческая наука, политология, социология, этнология, философия, правоведение и другие дисциплины. Кроме того, сравнительная «молодость» самого направления исследований исторической политики порождает недостаточность накопленного исследовательского инструментария для действенной её оценки. Наиболее полно обозначенная проблема отражена в отечественной историографии в сборнике

научных трудов под названием «Методологические вопросы изучения политики памяти»⁶³. Таким образом, специфика предложенной исследовательской темы требует обращения к *междисциплинарному подходу*, способному комплексно изучить проблематику исторической политики, которая находится на стыке целого ряда дисциплин: истории, политологии, юриспруденции, социологии, культурологии и др.

Современные *memory studies* уверенно позиционируются как междисциплинарное поле. Это позволяет декларировать возможность «комплексного» рассмотрения конкретных объектов исследования. Но междисциплинарный подход в случае с исследованиями исторической политики содержит в себе ряд сложностей и противоречий, требующих разъяснений. При попытке ответить на вопрос, как формируется официальный курс в области политики памяти, как учесть влияние конкретных условий на принятие решений в области политики памяти и в целом на формирование и существование разных типов политики памяти, мы исходим из тезиса о множественности механизмов политики памяти, соответствующим разным типам конкуренции различных идентичностей. В этой связи обращает на себя внимание так называемая процессо-реляционная методология, одним из наиболее известных вариантов которой стала методология анализа памяти Олика. Он предлагает рассматривать коллективную память не как устоявшийся статичный конструкт, а как совокупность различных социальных форм, пространств, практик и их иерархий, причём находящихся в процессе непрекращающегося создания и пересоздания⁶⁴.

В соответствии с принципами историзма конкретный механизм конкуренции идентичностей (пресоздание, по Олику, памятей) должен быть помещён в исторический контекст. Стремление сбалансировать методы анализа и синтеза в исследовательской практике часто приводят в независимости от авторских намерений к перекосу в ту или иную сторону, но именно такой путь (через конкретно-исторический анализ к обобщениям и типологизации) поможет снять ряд кажущихся противоречий между *social sciences* и *humanitiés* в изучении исторической политики.

Концепция мнемонических акторов, предложенная Майклом Бернхардом и Яном Кубиком, предлагает сосредоточить внимание на политических элитах. Исследователи выделили четыре типа стратегий обращения с прошлым: воинственный, плюралистический, игнорирующий и, наконец, направленный на достижение наиболее желательного для государства видения прошлого. Далее они предложили три типа

⁶³ Методологические вопросы изучения политики памяти: Сб. научн. тр. / отв. ред. Миллер А. И., Ефременко Д. В. М. – СПб: Нестор-История, 2018. 224 с.

⁶⁴ Olick J.K. From Collective Memory to the Sociology of Mnemonic Practices and Products // *Cultural memory studies: an international and interdisciplinary handbook* / ed. by A. Erll, A. Nunning. Walter de Gruyter GmbH & Co, 2008. P. 151–161.

«мемориального режима»: раздробленный (фрагментированный), унифицированный (относительно гомогенный) и пилларизированный (соответствующий этнолингвистической, а не классовой стратификации общества).

Системно-функциональный подход в совокупности со сравнительно историческим методом поможет представить историческую политику стран Прибалтики в диалектическом взаимодействии с поисками идентичности и исторической политикой в ЕС в целом, которая в 1990-х гг. стремилась утвердить европейскую идентичность на чисто политических принципах, без истории, а в начале XXI в. перешла к манипуляциям с историческим прошлым. Это позволит поставить вопрос о транснациональных коалициях акторов разных политик памяти, участвующих в геополитических баталиях.

При анализе связи исторической политики и электоральных циклов в странах Прибалтики, мы использовали теорию Дэвида Арта, которая представляет общественные дебаты (public debates) о прошлом как механизм изменения политики. Согласно теории Арта, общественные дебаты являются важным инструментом политических изменений, ибо они «формируют новые фреймы для интерпретации политических проблем, меняют идеи и интересы политических акторов, трансформируют структуру отношений между ними и переопределяют границы легитимного политического пространства»⁶⁵.

Использован *метод системности и комплексности* при определении, поиске, классификации и критическом анализе доступного круга исторических источников с точки зрения перепроверки фактов, обоснованности доказательной базы и последовательности выводов.

Наряду с общеисторическими (ретроспекции, хронологический, историко-сравнительный) в представленной диссертационной работе использовались и *общенаучные методы* исследования – такие как структурно-функциональный, компаративный и системный анализ. *Структурно-функциональный анализ* поспособствовал выявлению роли государственных институтов и общественных организаций. Прибалтийских республик в формировании официальной исторической повестки.

Компаративный анализ позволил нам сравнить политику памяти в Латвии, Литве, Эстонии между собой, выявить общие тенденции и специфические отличительные черты для каждой из обозначенных республик. *Системный анализ* обеспечил возможность рассмотреть политику памяти как элемент более крупной системы социокультурных процессов в Прибалтийских республиках, в частности, с точки зрения влияния на проблему

⁶⁵ Art D. The Politics of the Nazi Past in Germany and Austria... P. 14, 30.

межнациональных взаимоотношений между титульным и русскоязычным населением в Эстонии, Латвии, Литве.

При рассмотрении формальных и неформальных практик внутриэлитного взаимодействия в странах Балтии, анализе внутривнутриполитических аспектов становления властных групп Латвии, Литвы и Эстонии как главных акторов политики памяти исследование опирается на *теорию нового институционализма*. Исторический институционализм позволил нам также проанализировать процесс становления и развития основных государственных и общественных институтов упомянутых республик в контексте их влияния на историческую память; отметить наиболее значимые факторы, оказавшие определяющее влияние на появление институтов национальной памяти, общественных комиссий по проблемным вопросам прошлого и т.д.

Новизна исследования состоит в том, что данная работа будет первой попыткой заполнить очевидный пробел в историографии постсоветского пространства, касающийся развития и реализации исторической политики в Прибалтийских республиках, в её взаимосвязи с национально-государственным строительством. В ходе работы над исследованием проанализирован представительный круг источников (в том числе на национальных языках стран региона), значительная часть которых вводится в научный оборот в отечественной историографии впервые. Кроме того, в предложенном исследовании мы предприняли попытку комплексного и системного анализа проблематики политики памяти в Прибалтике в указанный хронологический период.

Положения, выносимые на защиту:

1. В своей основе политика памяти стран Балтии в 1991–2014 гг. имела целью не примирение позиций при обсуждении конфликтного прошлого (космополитическая концепция культуры памяти) и не стремление к взаимопониманию и уважительному диалогу оппонентов при сохранении разницы подходов (агонистическая концепция культуры памяти), а обеспечение преобладания собственной позиции в пространстве своего политического контроля – национального государства. Таким образом, политику памяти в странах Балтии можно отнести к антагонистическому типу культуры памяти.

Прибалтийская государственная историческая политика начала оформляться в период независимого развития, после провозглашения самостоятельности в 1991 г.; во всех трёх республиках – Эстонии, Латвии, Литве политика памяти является схожей и может быть сведена к следующим компонентам:

- **«Исторический этноцентризм» (или национализм)**, под которым мы подразумеваем комплекс подходов к вопросам исторического развития эстонского, латышского,

литовского народов, к государственному строительству, направленных на построение общественно-гражданских отношений, способных обеспечить политическое, экономическое, социально-культурное доминирование титульной нации во внутригосударственной жизни Республик, а также обеспечить устойчивое национальное развитие и неприкосновенность местной культуры, языка, этнической самобытности.

- «Оккупационный характер» советской власти в Прибалтике в период 1940–1941 гг. и 1944–1991 гг. – в основе тезиса лежит «Концепция оккупации стран Балтии», разработанная Б. Мейснером и Гёттингенской рабочей группой в 1950-е гг. и доказывающая «незаконность» присоединения Эстонии, Латвии, Литвы к Советскому Союзу, а именно факт «советской оккупации» Прибалтики в 1940–1941, 1944–1991 гг.
- Принцип исторического континуитета предполагает, что в 1940 г. СССР совершил «акты агрессии» против Эстонской, Латвийской и Литовской Республик, нарушив действующие двусторонние и многосторонние договоры. В этой связи последовавшее установление коммунистического режима и аннексия Эстонии, Латвии, Литвы Советским Союзом в августе 1940 г. должны расцениваться как незаконные акты и, следовательно, юридически недействительны. Хотя «аннексия» Прибалтийских республик Советским Союзом привела к де-факто потере их независимости, большинство стран Запада де-юре не признали советизацию Прибалтийских республик, поэтому, согласно точке зрения данных государств, Советский Союз никогда не аккумулировал суверенные права на эти страны и оставался исключительно «оккупирующим государством» до тех пор, пока в 1991 г. не была восстановлена де-факто независимость существовавших де-юре стран Прибалтики.
- Специфическая трактовка событий Второй мировой войны и проблемы коллаборационизма – отказ от термина «Великая Отечественная война» в пользу понятия «Вторая мировая война», отрицание освободительного характера данного военного конфликта для народов региона. Восприятие событий Второй мировой войны через отсылку к Гражданской / Освободительной войне 1918–1920 гг., когда немцы уже разбиты, а основная борьба разворачивается между местными патриотами-сторонниками восстановления национальной независимости и «красными» эстонцами, латышами, литовцами, которые наступают в рядах РККА. Местные коллаборационисты рассматриваются как патриоты, боровшиеся в

немецких мундирах за восстановление утраченной независимости своих республик, не причастные к военным преступлениям нацистов на территории стран Балтии и Советского Союза. Преступления нацистов не находят должного освещения в эстонской, латвийской и литовской литературе, отчасти замалчиваются. Сведения о репрессивной политике Третьего Рейха подаются в сравнении с сталинскими репрессиями таким образом, чтобы продемонстрировать большую жестокость именно советской тоталитарной системы.

- «Антикоммунизм» – практики, направленные на популяризацию в научной и общественной сферах утверждений об «оккупации» Советским Союзом Эстонии, Латвии, Литвы, а также на обличение «преступлений коммунизма» против народов Прибалтийских республик.

2. В случае с Прибалтикой, исторические трактовки, исходящие от правящих элит, сыграли важнейшую роль в оформлении институтов и законодательства упомянутых стран. Так, из всех бывших союзных республик – именно Эстония, Латвия, Литва, заявляя о «восстановлении» своей государственности, весьма последовательно отстаивали принцип исторического континуитета. Апеллирование к данному принципу привело к появлению института «неграждан» и поражению в правах местного русскоязычного населения под предлогом того, что оно прибыло сюда в период так называемой «советской оккупации» (1940–1991 гг.).

3. Электоральные циклы в странах Балтии неизменно вызывали оживление исторической политики. Правящие элиты в ходе избирательных кампаний поддерживали идентификационный дискурс, актуализировали в политике памяти жёсткую границу «мы» и «они», нивелировали различными способами попытки умиротворения в оценках прошлого, формирования наднациональной идентичности. Антисоветская (антикоммунистическая) и антироссийская риторика в интерпретации прошлого служила методом партийной борьбы (дискредитации оппонента через привязку к негативным сторонам большого исторического нарратива).

В государственной исторической политике Прибалтийских республик в интересующий нас хронологический период прослеживается преемственность и отсутствие ревизии обозначенных исторических трактовок вне зависимости от партийной принадлежности правящих элит. Имеет место быть консенсус элит в отношении незыблемости обозначенных постулатов местного исторического дискурса.

3. Ключевые постулаты государственной исторической политики стран Балтии в высокой степени встретили сочувствие и оказались восприняты местным титульным

населением. Среди русскоязычного населения доминирует критическое отношение к установлениям местной политики памяти. Однако, имеет место тенденция к сближению точек зрения молодёжи из числа национальных меньшинств с обозначенными историческими воззрениями титульного населения.

4. Эстонией, Латвией, Литвой оказались восприняты основные тренды политики памяти Европейских стран – в особенности восточноевропейских – в части антикоммунистической, антироссийской риторики, создание институтов национальной памяти, как координирующих и направляющих организаций прибалтийской государственной исторической политики.

5. Государственная историческая политика Прибалтийских республик является в значительной степени конъюнктурной и призвана решать целый комплекс внутривнутриполитических (направленных на построение национальной государственности, а также на утверждение и доминирование во власти существующих политических элит) и внешних задач (создание инструментов для блокировки попыток соглашения с Москвой).

6. Основные составляющие прибалтийской политики памяти оказались востребованы в целом ряде государств постсоветского пространства (в первую очередь на территории Украины, Молдовы, Грузии) и оказали влияние на формирование местного исторического дискурса.

Степень достоверности и апробация результатов. Достоверность результатов диссертационного исследования обеспечивается использованием адекватной источникам методологической базы; опорой на научные труды крупных учёных и исследователей, музейные экспозиции и мемориальные комплексы, уставные документы институтов национальной памяти или организаций их заменяющих. Достоверность подчёркивается и совпадением выводов диссертации с данными социологических исследований и опросов, проведённых различными организациями в интересующий нас период.

Апробация результатов исследования произведена в публикациях автора, в выступлениях на следующих конференциях: Научно-практическая конференция молодых учёных «Проблемы национального единства и идентичности в контексте мирового опыта» г. Москва, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, 13–15 декабря 2016 г., тема доклада «Русскоязычное население в Эстонии: проблемы идентичности»; Межвузовская научно-практическая конференция «Историк и его эпоха: конструирование идентичностей и многогранность личности» г. Кострома, Костромской государственный университет, 4 апреля 2018 г., тема доклада «История как инструмент пропаганды в политической борьбе Прибалтийских республик в 1990-е – 2000-е гг.»; XVIII

Международная научная конференция Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI веков г. Иваново, 3–4 апреля 2019 г. тема доклада «Соперничество Московского и Константинопольского патриархата на территории бывшей Российской империи»; Всероссийский научно-методический круглый стол (с международным участием) «Донбасская трагедия в контексте цивилизационных разломов на постсоветском пространстве» г. Кострома, Костромской государственный университет, 4 марта 2022 г., тема доклада «Проблема ревизии истории на постсоветском пространстве: пример Прибалтики и Украины». Всероссийская научно-практическая конференция «Новый человек в новом обществе: проблемы социализации, ресурсы развития личности и коллектива» г. Кострома, Костромской государственный университет, 17 марта 2022 г., тема доклада «Проблемы интерпретации и восприятия истории в информационном обществе: на примере России и стран постсоветского пространства»; VII Международная научно-практическая конференция «Историческая память и духовный опыт формирования российской государственности», г. Кострома, Костромской государственный университет, 19–21 сентября 2024 г. тема доклада «Историческая память в информационном обществе: на примере России и стран постсоветского пространства»; трансдисциплинарная международная научная конференция «Диалоги со временем», г. Москва, Институт всеобщей истории РАН, 15–17 октября 2024 г. тема доклада «Региональные различия в прибалтийской политике памяти»; Региональные научно-методические чтения памяти Александры Осиповны Ишимовой, семинар «Формирование исторической памяти в школьном историческом образовании», г. Кострома, Костромской государственный университет, 19 февраля 2025 г. тема доклада: «Память о Второй мировой войне в современной Европе: ревизия прошлого»; Международная научная конференция «80 лет Победы: историческая память на постсоветском пространстве», г. Москва, Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН РАН), 29 апреля 2025 г. тема доклада «Великая Отечественная война в прибалтийской исторической памяти». Кроме того, результаты исследования были использованы в процессе подготовки лекционных и практических занятий по дисциплине «История ближнего зарубежья» (преподававшейся автором диссертации студентам-историкам заочной формы обучения в ФГБОУ ВПО «Костромской государственный университет» в 2018–2024 гг.); лекционных занятий по дисциплине «Патриотизм и гражданственность в исторической памяти» (преподававшейся автором диссертации студентам не исторических специальностей очной формы обучения в ФГБОУ ВПО «Костромской государственный университет» в 2020–2023 гг.).

Основные результаты диссертационного исследования представлены в двух монографиях и сорока пяти научных публикациях (общим объёмом 121 п.л.), в том числе в

тридцати пяти авторских статьях в ведущих рецензируемых изданиях, включённых в перечень ВАК Минобрнауки России. Среди упомянутых публикаций восемь выполнены в изданиях, индексируемых в Russian Science Citation Index (RSCI).

Область исследования соответствует Паспорту научной специальности 5.6.2. – Всеобщая история: п. 6 – Новейшая история (XX – XXI вв.); п. 8 – История цивилизаций, стран, народов, регионов; п. 12 – Социальная история. История социальных процессов, институтов, структур. Динамика исторической социальности; п. 13 – Политическая власть в истории. История государства и его институтов. Государство и общество. Сфера политики и политических отношений. История политической культуры. Государство, политика и человек.

Структура исследования. Диссертация состоит из введения, трёх глав, заключения, списка источников и литературы, приложений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** диссертации определены: актуальность темы исследования; объект; предмет; хронологические рамки исследования; понятийный аппарат; цель; задачи исследования; основные группы источников; методологическая основа диссертации; степень разработанности темы и обзор литературы; новизна исследования; теоретическая и практическая значимость работы; положения, выносимые на защиту; степень достоверности и апробация результатов, структура исследования.

Глава 1. Институциональное и законодательное оформление прибалтийских государств в контексте местного исторического дискурса

Параграф 1.1. Русификация и статус национальных меньшинств как составляющая исторической политики посвящён этнополитической ситуации в Прибалтийских республиках на момент обретения независимости и показывает, что к 1991 г. Эстония, Латвия, Литва перестали быть мононациональными государствами (коими являлись в 1920-е–1930-е гг.) а стали многонациональными странами с крупной русскоязычной общиной. Можно констатировать, что реставрация правовой базы на принципах исторической правопреемственности по отношению к республикам межвоенного периода не могла отвечать изменившейся национальной ситуации в регионе, но её правомерность и целесообразность была призвана обосновать местная государственная историческая политика, которая была направлена в том числе и на местное русскоязычное меньшинство.

В *Параграфе 1.2. Оформление государственных институтов и законодательства Латвийской, Литовской и Эстонской Республик с позиции континуитета как основы местной исторической политики* отмечается влияние организации политических институтов и законодательства Эстонской, Латвийской, Литовской Республик на местный исторический дискурс, а также на положение и статус нетитульного населения каждой из обозначенных стран. В параграфе анализируется взаимосвязь нарождающейся государственной исторической политики с институциональным и законодательным оформлением Прибалтийских республик, происходившее на принципах континуитета – исторической правопреемственности нынешних стран Балтии к довоенным республикам. Наиболее полно данный подход был реализован в Эстонии и Латвии, где на фоне наличия крупного русскоязычного меньшинства и раскола общества по этнонациональному признаку, развернулась борьба за экономическое и политическое превалирование титульного населения над неэстонцами и нелатышами. Принцип правопреемства здесь был умело использован националистическими кругами (в борьбе за политическое и социально-экономическое превалирование), которым удалось закрепиться у власти и в последующем, при помощи государственной исторической политики, оправдывать справедливость реституционных принципов в законодательном и государственном строительстве. Литва, являясь более однородной в этническом плане, пошла по умеренному реституционному

пути и в большей степени заботилась о сохранении территориальной целостности, купировании возможных претензий к Виленскому краю и Клайпеде, а также к их литуанизации (первостепенное продвижение литовского языка и культуры). Кроме того, в отличие от северных соседей, националистическим кругам здесь не удалось удержаться у власти, а пришлось уступить место более умеренному крылу политического истеблишмента. При работе над параграфом использовано значительное количество законодательных актов Эстонии, Латвии, Литвы, отслежен процесс принятия решений по стенограммам местных парламентских заседаний.

Параграф 1.3. *Ключевые составляющие в историческом прошлом стран Прибалтики, подвергшиеся ревизии в 1991–2014 гг.* анализирует общий исторический контекст развития трёх прибалтийских республик с эпохи Средневековья до новейшего периода истории, приведена интерпретация событий Второй мировой войны в публичном пространстве и историографии стран Балтии. Кроме того, обозначена приверженность принципам исторического континуитета в законодательном и государственном строительстве трёх республик, а также другие схожие особенности концептуального характера государственной исторической политики.

Параграф 1.4. *Историческая политика как фактор международных отношений* констатирует – все три Прибалтийские республики вели схожую прозападную политику, что было обусловлено политическими (поддержка западными кругами независимости стран Прибалтики, сложные отношения с Россией) и экономическими (экономический и политический кризис в России и СНГ 1990-х, активные зарубежные инвестиции и переориентация экономики на западный рынок) причинами. Следствием данной прозападной политики стало желание Эстонии, Латвии, Литвы вступить в ЕС и НАТО, что и было реализовано в 2004 г. Оформляющийся исторический дискурс каждой из рассматриваемых республик также испытывал сильнейшее внешнее воздействие, развиваясь в русле восточноевропейских трендов.

Глава 2. Развитие государственной исторической политики в Прибалтике в условиях постсоветской государственности в 1990-е – 2000-е гг.

Параграф 2.1. *Становление государственной исторической политики в Латвии, Литве, Эстонии* анализирует процесс складывания официальной доктрины исторического развития Прибалтийских республик. Данный процесс шёл неразрывно с институциональным оформлением новых государств и имеет как специфические, так и схожие черты. На наш взгляд здесь целесообразно выделить такие аспекты государственной исторической политики в регионе, как «принцип исторического этноцентризма» (под которым мы подразумеваем комплекс подходов к вопросам

исторического развития Прибалтийских народов и к государственному строительству, направленных на построение общественно-гражданских отношений, способных обеспечить политическое, экономическое, социально-культурное доминирование титульных наций во внутригосударственной жизни каждой из Республик, а также обеспечить устойчивое национальное развитие и неприкосновенность местной культуры, языка, этнической самобытности), «концепции оккупации стран Балтии» (обосновывает факт «незаконности» инкорпорации Эстонии, Латвии, Литвы в состав СССР), специфическая трактовка событий Второй мировой войны и проблемы коллаборационизма (отказ от термина «Великая Отечественная война» в пользу понятия «Вторая мировая война», отрицание освободительного характера данного военного конфликта для народов региона, оправдание местных коллаборационистов и их оценка как патриотов, боровшихся за восстановление утраченной независимости своих республик, не причастные к военным преступлениям нацистов и др.), антикоммунизм. Каждая из этих составляющих возникала на определённом этапе развития местной политики памяти и преследовала конкретные цели.

В *Параграфе 2.2. Сопоставление государственной исторической политики в Латвийской, Литовской и Эстонской Республиках* проведён сравнительный анализ исторической политики стран региона по следующим взаимосвязанным параметрам: законодательное и институциональное оформление; создание и функционирование институтов национальной памяти (или организаций, их заменяющих); исторический контекст с древнейших времён до 1940 г.; концепция оккупации стран Балтии; трактовка событий Второй мировой войны и проблемы коллаборационизма; религиозный фактор (в том числе отношение к Русской Православной Церкви); этноцентризм. Мы можем констатировать, что государственная историческая политика Прибалтийских республик, имея целый ряд особенностей, обусловленных историческим и социально-этническим своеобразием каждого из государств, обладает общей концептуальной основой и набором практик. Кроме того, местный истеблишмент стремится не только учитывать опыт соседей, но и проводить согласованные действия в вопросах политики памяти, сообща отстаивать общие интересы.

Параграф 2.3. Коммеморативная составляющая исторической политики Прибалтийских республик обращён к анализу коммеморальных практик Прибалтийских республик, в частности праздничной культуры, государственной символики, топонимии, кинематографа. В странах региона сложился весьма целостный концепт коллективной исторической памяти, основанный на образе жертвенности в борьбе за свободу и независимость с враждебными силами. Учебная, научно-популярная литература, СМИ,

кинематограф, музейные экспозиции, монументальное искусство, законодательство, символика и памятные даты – всё нацелено на популяризацию, выражение и, одновременно, отражение в обществе основных установок местной политика памяти, которые также формируют национальную и национально-государственную идентичность.

Параграф 2.4. *Внешинополитический вектор и его влияние на государственную историческую политику в Прибалтийских республиках* рассматривает вопрос взаимовлияний в прибалтийской политике памяти. С момента своего возникновения, государственная историческая политика стран Балтии формировалась и развивалась в тесной взаимосвязи с общеевропейскими трендами, с внешнеполитической ориентацией Эстонии, Латвии и Литвы, выступая в качестве связующего звена между самими Прибалтийскими республиками. Кроме того, политика памяти стала инструментом обоснования принципа исторической преемственности, законодательного оформления республик, их легитимизации в международном сообществе, а также служила подтверждением размежевания с Россией и приоритетности западного партнёрства, евроатлантической интеграции. Кроме всего прочего, нельзя не отметить, что основные концепции политики памяти Прибалтийских республик (тезисы о «советской оккупации», «преступлениях коммунизма») в новейший период оказались весьма востребованными – были восприняты историками и истеблишментом Грузии, Украины, Молдовы и других стран ближнего зарубежья. Все вышеобозначенные государства имеют сложную историю формирования существующих границ, а также многонациональный состав населения.

Глава 3. ВОСПРИЯТИЕ НАСЕЛЕНИЕМ ЛАТВИИ, ЛИТВЫ, ЭСТОНИИ РЕАЛИЗУЕМОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ (1991–2014 гг.)

Параграф 3.1. *Отношение титульного населения Прибалтийских Республик к государственной исторической политике* прослеживает восприятие латышами, литовцами, эстонцами основных постулатов местной исторической линии. Анализируя данные социологических исследований, проведённых в 2000-х – 2010-х гг. в Эстонии, Латвии, Литве можно прийти к выводу, что титульное население, в особенности молодёжь младше 30 лет, поддержало и восприняло основные постулаты местной государственной исторической политики в части идеализации буржуазных республик межвоенного периода, тезиса о «советской оккупации» и принципа исторической преемственности нынешних государств республикам 1920-х – 1930-х гг. Доминирование антикоммунистических и антисоветских оценок также является общим трендом в данном регионе. Кроме того, исторический дискурс в известной степени способствовал складыванию негативного образа России в Прибалтике, что обеспечило поддержку

правительства со стороны общественности (в первую очередь из числа титульного населения) в вопросах разрыва связей с РФ и евроатлантической интеграции. Можно констатировать, что ключевые постулаты государственной исторической политики стран Балтии в высокой степени встретили сочувствие и оказались восприняты местным титульным населением.

Параграф 3.2. *Отношение русскоязычного населения Прибалтийских Республик к государственной исторической политике* отмечает схожесть взглядов русскоязычного населения Прибалтийских республик на местную историю – нейтральное восприятие периода Средневековья, возрастающий интерес к эпохе Нового времени (особенно с этапа вхождения территории Прибалтики в состав Российской империи), доминирование в историческом дискурсе XX в. При этом нетитульные жители стран Балтии, в целом, восприняли позитивные оценки независимых буржуазных республик 1920-х – 1930-х гг., но не приняли тезисы о «советской оккупации». Не произошло перехода к доминированию антисоветских взглядов и поддержки тезисов об «оккупации». Ключевые аспекты местной государственной исторической политики всё-таки не нашли сочувствия среди русскоязычного населения Прибалтийских республик. Однако, социологические исследования показывают тенденцию к сближению точек зрения местных национальных меньшинств с историческими воззрениями титульного населения. Вследствие активизации политики памяти в 2000-е – 2010-е гг. мы можем предположить, что в ближайшие десятилетия основные постулаты, продвигаемые государственной исторической политикой стран Балтии, станут доминирующими среди местного русскоязычного населения.

Параграф 3.3. *Степень эффективности государственной исторической политики Прибалтийских республик* констатирует, что государственная историческая политика стран Балтии оказалась весьма эффективной с точки зрения поставленных целей – ей удалось обосновать принцип правового континуитета Прибалтийских республик на внутреннем и внешнеполитическом пространстве, представить национальную историю как непрерывную борьбу за свободу против иностранных завоевателей (обеспечив тем самым рост патриотических настроений в обществе). Однако, ни в одной из Республик история не стала объединяющим фактором, способным сгладить межнациональные противоречия. Наоборот, продвижение «концепции оккупации стран Балтии», антисоветской / антироссийской риторики в историческом дискурсе лишь углубило этический конфликт в Прибалтике между титульным населением и русскоязычными (а также между поляками и литовцами) – это наглядно продемонстрировали события «Бронзовых ночей» 2007 г. в Таллине. Местное русскоязычное население не восприняло тезис о «советской оккупации» и даже наоборот, – неофициальные празднования и возложения цветов к монументам,

посвящённым событиям Великой Отечественной войны стали в разы более массовыми по сравнению с 1990-ми гг. в Таллине, Риге, Вильнюсе, межнациональное дистанцирование в вопросах истории XX в. увеличилось. Однако, нельзя не упомянуть о наметившемся в 2010-х сближении исторических оценок русскоязычной молодёжи из всех трёх Республик с воззрениями титульного населения (читай основными постулатами государственной исторической политики). По-нашему мнению данная тенденция продолжится и в среднесрочной перспективе – в Эстонии, Латвии, Литве продвигаемые местной исторической политикой тезисы приобретут доминирующий характер и в среде национальных меньшинств.

В Параграфе 3.4. Восточноевропейский опыт развития исторической политики и его влияние на Прибалтику анализируется опыт внедрения, использования исторической памяти в других государствах – в первую очередь в странах Восточной Европы, оказавшихся, во многом, в схожих с Прибалтийскими республиками обстоятельствах – выход из социалистического блока, необходимость рыночных преобразований, евроатлантическая интеграция, реституция собственности и вытекающий из данных обстоятельств вопрос – о выработке адекватных оценок недавнего прошлого, событий XX в. в частности. Схожесть общественно-политических и социально-экономических реалий стран Балтии и Восточноевропейских государств, а также более раннее начало преобразований в последних, обусловили интерес к их концептуальным наработкам в вопросах исторической памяти со стороны Эстонии, Латвии, Литвы. Кроме того, с середины 2000-х гг. на фоне очередного расширения ЕС и НАТО, с включением в состав данных организаций постсоветских государств Центральной и Восточной Европы произошла некоторая трансформация общеевропейского пространства исторической памяти. Идея европейского нарратива, опирающегося на Холокост и коллективную ответственность народов Европы за трагедию Второй мировой войны уступила место политике памяти, продвигаемой восточноевропейскими государствами (в том числе Прибалтийскими республиками), основанной на страдании собственного народа и криминальном характере тоталитарных режимов, исключая ответственность собственной нации за эти преступления.

В заключении представлены основные выводы диссертации, сформулированные в положениях, выносимых на защиту.

В приложении представлены статистические материалы, графики, диаграммы, результаты интервьюирования и т.д.

**Основные положения диссертации отражены в следующих
публикациях автора:**

а) Монографии по теме исследования:

1. Зверев К. А. Политика памяти в Прибалтике в условиях формирования национальной государственности в 1991–2000-е годы: монография / К. А. Зверев. – Кострома: Костромской государственный университет, 2024. – 263 с. (16,4 п.л.)
2. Зверев К. А. Русские в Эстонии на рубеже веков (1990–2000-е годы): монография / К. А. Зверев. – Кострома: Костромской государственный университет, 2025. – 240 с. (15 п.л.)

б) Статьи в ведущих рецензируемых журналах, входящих в перечень ВАК:

1. Зверев К. А. Влияние украинского кризиса на прибалтийскую историческую политику и русскоязычное население // Вестник Российской нации. – 2025. – № 1. – С. 122–132. (1,7 п.л.).
2. Зверев К. А. «Война памятников» в странах Балтии: конструирование новой исторической памяти // Вестник российской нации. – 2023. – № 1–2. – С. 106–115. (1,1 п.л.).
3. Зверев К. А. Вопрос о статусе русскоязычного и польского населения Литвы как часть государственной исторической политики // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. – 2020. – № 3. – С. 128–137. (1,4 п.л.).
4. Зверев К. А. Государственная историческая политика в современной Латвии // Проблемы национальной стратегии. – 2020. – № 1(58). – С. 163–177. (1,5 п.л.).
5. Зверев К. А. Денежные знаки как отражение политики памяти Прибалтийских республик // Вестник Российской нации. – 2024. – № 3. – С. 58–66. (2 п.л.)
6. Зверев К. А. Идентичность на постсоветском пространстве: смена советского мифа национальным (по материалам социологических исследований) // Вестник антропологии – 2023. – № 3. – С. 288–302. (2,3 п.л.).
7. Зверев К. А. Идеология, топонимия, политика памяти: история переименований в странах Балтии // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. – 2024. Т. 24, вып. 3. – С. 356–360. (1,3 п.л.).
8. Зверев К. А. Историческая политика современной Литвы и Польши: сравнительный анализ // Диалог со временем. – 2022. – № 81. – С. 216–225. (1,7 п.л.).

9. Зверев К. А. Историческая политика Эстонской Республики в контексте национально-государственного строительства // Проблемы национальной стратегии. – 2021. – № 1(64). – С. 202–215. (2,5 п.л.).
10. Зверев К. А. Исторические оценки в эстонском обществе: самосознание эстонцев и русскоязычных в контексте местной политики памяти // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. – 2021. – Т. 21, вып. 4. – С. 491–497. (2 п.л.).
11. Зверев К. А. История как инструмент пропаганды в политической борьбе Прибалтийских республик в 1990-е – 2000-е гг. // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2019. – Т. 25, – № 1.– С. 79–81. (0,5 п.л.).
12. Зверев К. А. Коллективная идентичность и общественно-политическое поведение населения Литвы во взаимосвязи с исторической государственной политикой // Вестник антропологии – 2021. – № 3. – С. 42–52. (2,4 п.л.).
13. Зверев К. А. Конструирование политики памяти на постсоветском пространстве: общие подходы // Вестник Брянского государственного университета. – 2022. – № 4(54). – С. 40–50. (1,8 п.л.).
14. Зверев К. А. Особенности «Русского вопроса» в Эстонии 1992–2009 гг. на уровне муниципальной политики (на примере Таллина) // Клио. – 2014. – № 11(95). – С. 109–112. (0,6 п.л.).
15. Зверев К. А. Оформление национальной государственности Латвии и Литвы: правовой аспект и законодательство // Вестник Омского Университета Серия: Исторические науки. – 2022. – Т. 9, – № 4(36). – С. 107–119. (1,3 п.л.).
16. Зверев К. А. Политика памяти в Прибалтике и на Украине: общие тенденции // Проблемы национальной стратегии. – 2022. – № 3(72). – С. 183–198. (2,1 п.л.).
17. Зверев К. А. Политика памяти в Прибалтийских республиках: внешнеполитический аспект // Вестник российской нации. – 2020. – № 5. – С. 44–55. (1 п.л.).
18. Зверев К. А. Политика Эстонской Республики в отношении школьного образования на русском языке (1992–2007) // Ярославский педагогический вестник. – 2014. – Т. I. – № 4. – С. 112–115. (0,5 п.л.).
19. Зверев К. А. Положение русскоязычного населения в Эстонии и Латвии: сравнительный анализ // Всеобщая история. – 2021. – № 3. – С. 14–26. (2,8 п.л.).

20. Зверев К. А. Православная церковь в независимой Эстонии // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. – 2014. – Т. 20, – № 1. – С. 36–39. (0,4 п.л.).
21. Зверев К. А. Православная церковь в независимых Прибалтийских республиках // Петербургский исторический журнал. – 2020. – № 4(28). – С. 227–235. (1,5 п.л.).
22. Зверев К. А. Праздничные и памятные даты как инструмент исторической политики стран Балтии // Петербургский исторический журнал. – 2024. – № 3. – С. 164–174. (1,5 п.л.).
23. Зверев К. А. Преподавание истории в школах Прибалтийских республик: трансформация памяти о прошлом // Преподавание истории в школе: научно-теоретический и методический журнал. – 2024. – № 3. – С. 36–41. (1,6 п.л.).
24. Зверев К. А. Прибалтика в годы Великой Отечественной войны: современная интерпретация в Эстонии, Латвии, Литве // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. – 2022. – Т. 24, – № 2. – С. 195–208. (1,2 п.л.).
25. Зверев К. А. Проблематика политики памяти стран Балтии в отечественной и прибалтийской историографии // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2024. № 2. С. 150–163. (2,7 п.л.)
26. Зверев К. А. Русскоязычная интеллигенция и формирование национальной политики Эстонской Республики в 1992 – 2007 годах // Интеллигенция и мир. Российский междисциплинарный журнал социально-гуманитарных наук. – 2014. – № 2. – С. 146–155. (0,6 п.л.).
27. Зверев К. А. Русскоязычное население Латвии в новейший период: взаимосвязь статуса с местной политикой памяти // Вестник Костромского государственного университета. – 2020. – Т. 26, – № 4. – С. 70–77. (1,7 п.л.).
28. Зверев К. А. Русскоязычное образование в независимой Латвии: реформы 1990–2010-х годов // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. – 2021. – № 1(70). – С. 80–89. (2,3 п.л.).
29. Зверев К. А. Становление государственной политики Эстонской Республики в отношении русскоязычного населения (1992–2007) // Клио. – 2015. – № 8. – С. 164–169. (0,6 п.л.).
30. Зверев К. А. Строительство национальной государственности стран Балтии: проблема континуитета и последствия реализации // Всеобщая история. – 2022. – № 4. – С. 3–15. (2 п.л.).

31. Зверев К. А. Утверждение новой государственной символики в Прибалтийских республиках: флаг и герб // Вестник Костромского государственного университета. – 2023. – Т. 29, – № 3. – С. 43–49. (1,7 п.л.).

32. Зверев К. А. Формирование официальной исторической парадигмы независимой Литвы // Всеобщая история. – 2020. – № 3. – С. 3–13. (1,1 п.л.).

33. Зверев К. А. Холокост в Прибалтике: современные оценки в местном историческом дискурсе // Диалог со временем. – 2025. – № 90. – С. 178–188. (1,6 п.л.).

34. Зверев К. А. Эстонские государственные символы: взаимосвязь с политикой памяти // Ежегодник финно-угорских исследований. – 2024. – № 2. – С. 224–232. (1,2 п.л.)

35. Зверев К. А. Этнополитическая ситуация в Эстонии накануне провозглашения независимости в конце 1980-х – начале 1990-х гг. // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. – 2015. – Т. 21, – № 1. – С. 53–57. (0,6 п.л.).

в) Другие публикации:

1. Зверев К. А. Историческая память в информационном обществе: на примере России и стран постсоветского пространства // Историческая память и духовный опыт формирования российской государственности (к 280-летию Костромской епархии и 80-летию Костромской области): сборник трудов VII Международной научно-практической конференции (г. Кострома, 19–21 сентября 2024 г.) / сост. Н. В. Ганжа, О. В. Плюснина, И. Н. Мельников, Д. Н. Лукоянов, Л. А. Хлестакова ; отв. ред. Г. Г. Бриль. – Электронные текстовые, граф. дан. (6,3 МБ). – Кострома: Костромской государственный университет, 2024. – С. 111–114. (0,5 п.л.).

2. Зверев К. А. Прибалтийская политика памяти и Холокост // История и историческая память: межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. А. В. Гладышева. – Саратов: Саратов. гос. ун-т, 2024. Вып. 28/29. – С. 118–124. (1 п.л.).

3. Зверев К. А. Русскоязычное население в Эстонии: проблемы идентичности // Проблемы национального единства и идентичности в контексте мирового опыта. По материалам конференции молодых ученых. Москва, 13–15 декабря 2016 г. / отв. ред. Е. Б. Баринова. – М.: ИЭА РАН, 2017. – 243 с. – С. 172–175. (0,3 п.л.).

4. Зверев К. А. Русскоязычное население Эстонской Республики в контексте государственной национальной политики (1992–2007): диссертация ... кандидата

исторических наук: 07:00:03 [Место защиты: Иванов. гос. ун-т] – Кострома, 2015. – 298 с. (34,4).

5. Зверев К. А. События «бронзовой ночи» как рубежная дата в интеграционной политике Эстонии / К. А. Зверев // Молодая наука в классическом университете: тезисы докладов научных конференций, фестиваля студентов, аспирантов и молодых учёных. Иваново, 21–25 апреля 2014 г.: в 7 ч. – Иваново: Иван. гос. ун-т, 2014. – Ч. 4: – 128 с. – С. 66–67. (автора – 0,06 п.л.).

6. Зверев К. А. Содержание и основные этапы государственной политики Эстонской Республики в отношении русскоязычного населения в 1990-е – 2000-е гг. // Молодая наука в классическом университете: тезисы докладов научных конференций фестиваля студентов, аспирантов и молодых ученых. Иваново, 22–26 апреля 2013 г.: в 7 ч. – Иваново: Иван. гос. ун-т, 2013. – Ч. 4. – 164 с. – С. 79–80. (автора – 0,06 п.л.).

7. Зверев К. А. Соперничество Московского и Константинопольского патриархата на территории бывшей Российской империи // Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI веков: Материалы XVIII Международной научной конференции. Иваново, 3–4 апреля 2019 г. / отв. ред. А. А. Корников. – Иваново: Иван. гос. ун-т, 2019. – С. 93–98. (0,3 п.л.).

8. Зверев К. А. Становление русскоязычной общины в Эстонской Республике в 1920–1930-е гг. // Альманах современной науки и образования. – 2016. – № 8(110). – С. 33–37. (0,6 п.л.).

9. Зверев К. А. Эстонская Республика с осени 1991 (Раздел статьи в Большую Российскую Энциклопедию) / Большая российская энциклопедия: [в 35 т.] / гл. ред. Ю. С. Осипов; 2004–2017, т. 35. – ISBN 978-5-85270-373-6 (0,3 п.л.).

10. Zverev K. A. Estonia's accession to the EU and the status of the Russian-speaking minority // Warsaw East European Conference 2013 Across the Borders. Abstracts. – Warsaw, 2013. – p. 45. (0,08 п.л.).

ЗВЕРЕВ Кирилл Александрович

**ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА В
ПРИБАЛТИЙСКИХ РЕСПУБЛИКАХ В 1991–2014 ГГ.**

Специальность: 5.6.2. – Всеобщая история
(новая и новейшая история)

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Подписано в печать

Формат 60х84 1/16. Бумага писчая. Печать плоская

Усл. печ. л. 1,1 Уч.-изд. л. 0,8 Тираж 100 экз.

Издательство «...»